

ДЖОН ХАРТ

ПУТЬ ИСКУПЛЕНИЯ

Бестселлер
NEW YORK
TIMES

«С этим романом Харт вышел на иной уровень... Прочитайте его.
А затем – все остальные книги. Джон Харт этого стоит».

Дэвид Болдаччи

ПРОДАНО БОЛЕЕ 2 000 000 КНИГ АВТОРА
НА 30 ЯЗЫКАХ В 70 СТРАНАХ МИРА

Джон Харт. Триллер на грани реальности

Джон Харт

Путь искупления

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Харт Д.

Путь искупления / Д. Харт — «Эксмо», 2016 — (Джон Харт.
Триллер на грани реальности)

ISBN 978-5-04-113355-9

Элизабет Блэк – герой. Она – полицейский, в одиночку сумевшая вызволить из запертого подвала молодую девушку, застрелив двух ее похитителей. Но она – полицейский со своим тайным прошлым. И не только она одна... Эдриен Уолл освобожден из тюрьмы, где провел тринадцать жутких лет. И за первой же дверью, которую он открывает, его ждет мальчишка с револьвером в руке, горящий желанием отомстить за смерть своей матери. Но это меньшая из проблем Эдриена... А в глубине леса, на алтаре заброшенной церкви, остывает тело, накрытое белым полотном. И оно не первое из тех, что были найдены там... Этот город на краю пропасти. Он идет по пути искупления.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-113355-9

© Харт Д., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Днем ранее	6
1	10
2	14
3	28
4	36
5	43
6	58
7	67
8	69
9	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Джон Харт

Путь искупления

John Hart
REDEMPTION ROAD

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Норду, Мэттью и Мики.
Уходят хорошие люди...*

*Холодный в голосе надлом,
Когда любви хочу воспеть я аллилуйю!*

Леонард Коэн¹

¹ Леонард Норман Коэн (1934-2016) – канадский поэт, писатель и автор-исполнитель. В эпиграфе использована цитата из его известной баллады «Аллилуйя» (1994). – *Здесь и далее прим. пер.*

Днем ранее

Женщина была просто редкостной красавицей – и прежде всего в том, что и понятия не имела о своем совершенстве. Он достаточно долго наблюдал за ней, чтобы это заподозрить, но лишь при встрече окончательно понял, что интуиция не подвела его. Скромная, застенчивая, легко управляемая – что называется, «без стержня». Похоже, порядком закомплексованная или не слишком умная. А может, просто страдает от одиночества и никак не может найти себе места в этом сложном враждебном мире...

Хотя в общем-то все это неважно.

Выглядела она как надо, и все дело было в глазах.

Они у нее просто сверкали, когда она подходила к нему по тротуару в свободном летнем сарафанчике, открывающем колени, но в рамках приличий. Ему понравилось, как тонкая ткань весело вспархивает при каждом шаге, как аккуратно двигаются ее ноги и руки. Бледная, тихая. Он бы предпочел, чтобы волосы были немного другими, но вообще-то сойдет и так.

Главное – глаза.

Они были ясными, глубокими и незащитными, и он внимательно следил, не поменялось ли что за те несколько дней, что прошли с тех пор, как они договорились встретиться. Вид у нее был несколько виноватый, и даже издали чувствовалась неудовлетворенность, рожденная неудачами в личной жизни и бессмысленной работой. Она явно ждала от жизни большего.

– О, приветки, Рамона!

Она застенчиво отстранилась, когда они оказались почти вплотную. Ее ресницы темной тенью накрыли скулы, голова наклонилась, скрывая из виду безупречно очерченный подбородок.

– Молодец, что все-таки решилась, – произнес он. – Думаю, мы отлично проведем вечерок.

– Спасибо, что нашел время. – Она зарделась, все еще опустив глаза. – Я знаю, сколько у тебя дел.

– Будущее – вот что в первую очередь имеет значение для каждого из нас... Жизнь – и то, как мы ее проживем, кусок хлеба, карьера, семья, личное удовлетворение... Просто важно все заранее спланировать и как следует продумать. И нет нужды проделывать это в одиночку – только не в таком городишке. Мы все тут друг друга знаем. Помогаем друг другу. Ты поймешь это, когда поживешь здесь подольше. Народ у нас в общем-то славный. Не только я один.

Она кивнула, но он понял, что сейчас творилось где-то в самой глубине ее души. Они встретились якобы случайно, и вот теперь она терялась в догадках, с чего бы это вдруг с такой готовностью открылась совершенно незнакомому человеку. Но это был его дар: его лицо, его манеры хорошо воспитанного человека, то, как к нему сразу проникались доверием... Некоторым женщинам это требуется – плечо, на которое можно опереться, терпение. Как только они понимали, что его интерес не в том, чтобы просто разок переспать, все было просто. Не ветреный, надежный, добрый... Опытный и рассудительный, наконец.

– Ну так как, готова?

Он открыл дверь машины, и на миг показалось, что она с некоторой растерянностью остановила взгляд на черных ожогах от потушенных сигарет и продранном кожзаменителе.

– Это прокатная, – поспешил объяснить он. – Прости, но моя собственная машина в сервисе.

Она прикусила губу, гладкая икра на ноге слегка напряглась. Приборная панель вся уделана какими-то пятнами, коврик под ногами протерся до дыр....

Ее следовало просто чуть-чуть подтолкнуть.

– Мы ведь только завтра собирались встретиться, помнишь? Ближе к вечеру. Выпить кофейку, поболтать. – Он наморщил лицо в улыбке. – Если б планы не поменялись, поехали бы на другой. Но ты попросила сегодня. Вышло типа как спонтанно, но ради тебя...

Он намеренно не договорил – пусть вспомнит, что сама предложила встретиться, а не наоборот. Наконец она кивнула, поскольку все это звучало вполне разумно, а ей не хотелось выглядеть привередой, которую волнуют такие мелочи, как состояние автомобиля, тем более что купить собственный ей все равно не по карману.

– Просто мама приезжает утром из Теннесси. – Она оглянулась на многоэтажку у себя за спиной, возле уголков ее рта прорезались новые морщинки. – Так вот, ни стукало ни брякало.

– Да.

– Мама все-таки...

– Ты уже говорила. Я понял.

В его голосе прозвучала небольшая раздраженность, некоторое нетерпение. Он улыбнулся, чтобы снять возникший было напряг, хотя меньше всего ему сейчас хотелось, чтобы ему напоминали о жлобских корнях этой девушки в каком-то зачуханном жлобском городишке.

– Это тачка моего племянника, – сообщил он. – Он студент.

– Тогда это все объясняет.

Она имела в виду запах и грязь, но теперь смеялась, так что он тоже рассмеялся.

– Ох уж эти детишки! – произнес он.

– Ну да, точно!

Он отвесил шутовской поклон и прогнал какую-то шуточку про боевые колесницы. Она опять рассмеялась, но он уже больше не обращал на это внимания.

Она уже сидела в машине.

– Люблю воскресенье. – Выпрямилась, когда он пролез за руль. – Тишь да гладь. Никому ничего не должен. – Разгладила подол и показала глаза. – А ты любишь воскресенье?

– Конечно, – отозвался он, хотя ему было глубоко плевать. – А ты сказала матери, что мы встречаемся?

– Еще чего! – воскликнула девушка. – Мне нужен этот миллион вопросов? Начались бы разговоры, что я гуляющая и безответственная, что надо было ей позвонить, а не...

– Наверное, ты все-таки преувеличиваешь.

– Ну уж нет, только не с моей мамочкой!

Он кивнул, словно бы понимая эту ее замкнутость. Деспотичная мать, отец неизвестно где или уже помер... Повернув ключ в замке зажигания, он еще раз полюбовался, как она сидит – спина прямая, обе руки аккуратно лежат на коленях.

– Люди, которые нас любят, обычно склонны видеть то, что хотят видеть, а не то, что мы из себя представляем в действительности. Твоей маме стоит присмотреться получше. По-моему, она будет приятно удивлена.

Это замечание явно доставило ей удовольствие.

Он отъехал от тротуара, продолжая болтать, чтобы она такой и оставалась.

– А как насчет друзей? – спросил он. – Людей, с которыми ты работаешь? Они в курсе?

– Только что я с кем-то сегодня встречаюсь, и что это личное. – Улыбнувшись, она показала те теплые, роскошные глаза, которые его первым делом и привлекли. – Им было очень любопытно.

– Надо думать, – отозвался он, и она улыбнулась еще раз.

Ей понадобилось минут десять, чтобы задать первый осмысленный вопрос.

– Минуточку! Я думала, что мы собирались просто выпить кофе...

– Сначала еще кое-куда заедем.

– Это ты о чем?

– Сюрприз.

Она изогнула шею, бросив взгляд на тающий за задним стеклом город. По обеим сторонам теперь бежали лишь поля и леса. Совершенно пустая дорога, похоже, обрела для нее какой-то новый смысл – ее пальцы потянулись к горлу, коснулись щеки.

– Мои друзья ждут меня назад.

– Ты ведь вроде им не говорила?

– Разве я так сказала?

Он бросил на нее взгляд, но ничего не ответил. Небо за стеклами машины наливалось пурпуром, оранжевые лучи солнца пробивались сквозь деревья. Они давно миновали городские окраины, на далеком холме тихо возвышалась лишь заброшенная церковь, шпиль которой надломился словно бы под весом темнеющего неба.

– Люблю разрушенные церкви, – произнес он.

– Что?

– Разве не видишь?

Он ткнул вперед рукой, и она уставилась на древние камни, на покореженный, клонящийся к земле крест.

– Я не понимаю...

Она явно была обеспокоена – пыталась убедить себя, что все нормально. Он молча смотрел, как на руины оседают стаи черных дроздов. Через несколько минут она попросила его отвезти ее домой.

– Я неважно себя чувствую.

– Мы уже почти приехали.

Теперь она была всерьез напугана, он это хорошо видел, напугана его словами, этой церковью и странным однообразным мотивчиком, посвистывающим у него на губах.

– У тебя очень выразительные глаза, – произнес он. – Кто-нибудь тебе говорил?

– По-моему, меня сейчас стошнит.

– Все с тобой будет в порядке.

Он свернул на гравийную дорогу – в мир, ограниченный деревьями, сумерками и теплом ее кожи. Когда они миновали открытые ворота в ржавой сетчатой ограде, девушка расплакалась. Поначалу тихонечко, потом все сильнее.

– Да не бойся ты, – сказал он.

– Зачем ты все это делаешь?

– Делаю что?

Она расплакалась еще пуще, но даже не пошевелилась. Автомобиль выкатился из-за деревьев на открытое пространство, густо заросшее сорняками и заваленное какими-то древними механизмами и кусками ржавого металла. Впереди вздымалась пустая силосная башня, круглая, вся в грязных потеках; ее коническая крыша розовато светилась в лучах заходящего солнца. В основании сооружения зияла открытая дверь, пространство за ней оставалось густо-черным и недвижимым. Девушка уставилась на башню, а когда опять опустила взгляд, то увидела у него в руке наручники.

– Надевай!

Он бросил наручники ей на колени, и под ними тут же расплылось теплое влажное пятно. Он смотрел, как ее взгляд отчаянно мечется по пространству за стеклами машины – в поисках людей, солнечного света или хоть каких-то оснований для надежды.

– Просто представь, что все это понарошку, – сказал он.

Она надела наручники – металл звякнул крошечными колокольчиками.

– Зачем ты это делаешь?!

Вопрос был тот же самый, но он ее не винил. Выключил мотор, послушал, как тот пощелкивает в тишине. На пустыре было жарко. В машине воняло мочой, но ему было плевать.

– Вообще-то мы собирались сделать это завтра. – Он сильно прижал ей к ребрам электрошокер и посмотрел, как она дернулась, когда он нажал на пусковую кнопку. – До этого ты мне не понадобишься.

1

Гидеон Стрэндж открыл свои глаза жаркой удушливой тьме и хныканью отца. Постарался не двигаться, хотя эти всхлипы не были чем-то новым или неожиданным. Под конец отец часто забивался в угол, свернувшись там в комок, словно комната сына была единственным надежным местом на свете, и Гидеон не раз подумывал спросить, почему после всех этих лет его отец по-прежнему столь угрюм, слаб и сломлен. Вопрос довольно простой, и если б отец хоть на сколько-то оставался мужчиной, то наверняка на него ответил бы. Но Гидеон знал, *что* может сказать отец, так что не отрывал головы от подушки и наблюдал за темным углом, пока отец наконец не взял себя в руки и не подошел к нему. Несколько томительных минут он стоял молча, опустив взгляд в пол; потом коснулся волос Гидеона и попытался шепотом укрепить себя, повторяя: «Помоги мне, помоги мне, Господи!», после чего обратился в поисках сил к своей давно усопшей жене, так что «помоги мне, Господи!» вскоре превратилось в «помоги мне, Джулия!».

Насколько же все-таки жалкое зрелище, подумал Гидеон, – вся эта беспомощность и слезы, эти дрожащие грязные пальцы... Труднее всего было не пошевелиться – и вовсе не потому, что матери давно не было в живых и она не могла бы ответить, а по той причине, что Гидеон знал: стоит ему хоть чуть-чуть двинуться, и отец обязательно спросит, не спит ли он, не грустно ли ему и не чувствует ли он себя столь же потерянным. Тогда придется сказать правду: нет, ничего такого, но где-то внутри он ощущает такое одиночество, какое не должно быть знакомо любому мальчишке его возраста. Однако отец больше не заговаривал. Просто провел рукой по волосам сына и застыл настолько неподвижно, словно та сила, к которой он взывал, вдруг каким-то волшебным образом нашла его. Но Гидеон знал, что такого никогда не случится. Он видел фотографии отца прежних времен, а в памяти сохранились несколько смутных воспоминаний о человеке, способном смеяться, улыбаться и не прикладываться к бутылке по несколько раз на дню. Годами он мечтал, что этот человек вернется, что это все-таки когда-нибудь произойдет. Но отец носил свои дни словно полинялый костюм – пустой внутри человек, единственная страсть которого пробуждалась от мыслей о давно почившей жене. Тогда он будто немного оживал, но что толку, если это были лишь кратковременные неяркие вспышки, лишь неясные намеки на жизнь?

Мужчина последний раз коснулся рукой волос мальчишки, а потом пересек комнату и потянул на себя дверь. Выждав минуту, Гидеон скатился с кровати, полностью одетый. Организм работал на одном кофеине и адреналине, и он с трудом мог вспомнить, когда в последний раз спал или видел сны, или думал о чем-то, помимо единственного завязшего в голове вопроса: чего это стоит – убить человека?

Нервно сглотнув, осторожно приоткрыл дверь, стараясь не обращать внимания на то, что руки у него мертвенно-бледные, а сердце колотится, как у кролика. Повторял себе, что четырнадцать лет – это уже вполне мужчина и что не нужно быть старше, чтобы спустить курок. Господь желал, чтобы мальчишки становились мужчинами, в конце-то концов, а Гидеон собирался сделать лишь то, что сделал бы его отец, если б был для этого вполне мужчиной. А значит, убийство и смерть – тоже план Господа, и Гидеон неуклонно повторял себе это где-то в темном уголке своего сознания, пытаясь убедить ту часть себя, которая дрожала, потела и едва перебарывала тошноту.

С того времени, как убили его мать, прошло тринадцать лет, потом еще три недели после того, как Гидеон нашел маленький черный револьвер своего отца, а еще через десять дней выяснил, что к серому, угловатому зданию тюрьмы на дальнем краю округа его может доставить двухчасовой ночной поезд. Гидеон знал, что местной ребятне уже доводилось запрыгивать в этот поезд прямо на ходу. Главное, говорили они, как следует разбежаться и не думать, какие

они на самом деле острые и тяжеленные – эти огромные сверкающие колеса. Но Гидеон все же боялся, что сорвется и угодит прямо под них. Каждую ночь ему снились про это кошмары – вспышка света и тьмы, а потом боль, до того правдоподобная, что он просыпался, ощущая, как противно крутит ноги. Просто ужасающий образ, даже если представить себе все это, когда не спишь, так что он затолкал его поглубже и приоткрыл дверь пошире – как раз чтобы увидеть отца, развалившегося в старом коричневом кресле. Прижимая к груди подушку, тот таращился в сломанный телевизор, в котором Гидеон спрятал револьвер после того, как два дня назад стянул его из ящика отцовского комода. Теперь он понял, что держать ствол надо было у себя в комнате, но тогда показалось, что нет лучшего тайника, чем иссохшие потроха перегоревшего телека, который последний раз работал, когда Гидеону было всего пять лет от роду.

Но как достать револьвер, когда прямо перед ним расселся отец?

Надо было поступить как-нибудь по-другому, но мозги у Гидеона иногда работали криво. У него никогда не было намерения создавать какие-то сложности. Просто так порой само собой выходило, отчего даже самые добрые из учителей полагали, что лучше бы ему подумать о столярной мастерской или слесарном цехе, чем обо всех этих мудреных словах в умных увесистых книжках. Стоя в темноте, он подумал: наверное, эти учителя в чем-то правы, в конце-то концов, поскольку без револьвера он не сможет ни застрелить того человека, ни защитить себя, ни показать Господу свою волю делать *необходимые вещи*.

Через минуту он прикрыл дверь. В голове крутилось: «Поезд пройдет в два...»

Но часы показывали уже двадцать одну минуту второго.

А вскоре и час тридцать.

* * *

Еще разок заглянув в щелку двери, он наблюдал, как вздымается и опадает бутылка, пока отец не обмяк и та не выскользнула у него из пальцев. Выждав еще пять минут, Гидеон прокрался в гостиную, переступая через разбросанные по полу автомобильные запчасти и другие бутылки и едва не споткнувшись, когда за окном с ревом пролетела машина, выстрелив светом фар в щель между неплотно задернутыми занавесками. Когда опять воцарилась темнота, он присел на корточки за телевизором, снял задний кожух и вытащил револьвер – черный, лоснящийся и более увесистый, чем ему помнилось. Крутанул пощелкивающий барабан, проверил, на месте ли патроны.

– Сынок?

Слабый голос слабого человека. Гидеон выпрямился и увидел, что отец не спит – дыра в заляпанной драной обивке, похожая очертаниями на человека. Навалились неуверенность и испуг, и на миг Гидеону захотелось опять нырнуть под одеяло. Можно все отменить – сделать вид, будто ничего и не произошло. Было бы хорошо, подумал он, вообще никого не убивать. Можно убраться с места и отправиться в постель. Но тут в руках отца он различил некий светлый ореол – цветы. Их бутоны давно уже высохли и обтрепались, но в день свадьбы его матери они красовались у нее на голове, словно корона. Он посмотрел на них еще раз – белые звездочки гипсофилы и белые розы, все уже пожелтевшие и почти осыпавшиеся, – и подумал, как эта комната может выглядеть, если вдруг кто-то заглянет в нее сверху: мужчина с давно увядшими цветами, мальчишка с револьвером... Гидеону хотелось объяснить всю мощь этого образа, заставить отца понять: мальчишка вынужден сделать то, на что не способен его отец. Но вместо этого он развернулся и бросился бежать. Опять услышал свое имя, но уже в дверях, практически вывалившись с крыльца во двор. Кое-как устояв на ногах, бросился прочь, сжимая в руках теплый уже револьвер. Так крепко вколачивая каблуки в твердый бетон, что заныли голени, пробежал полквартиры, а потом через садик одного старика нырнул в густые

заросли, простиравшиеся к востоку вдоль ручья, и стал поспешно взбираться по склону большого холма туда, где за провисшей колючей проволокой ржавели закрытые фабрики.

Он уже уперся в ограду, когда его отец где-то далеко за спиной раз за разом стал взывать к нему по имени – так громко, что голос его срывался, ломался и в конце концов дал петуха. На какую-то секунду Гидеон замешкался, но тут где-то на западе свистнул локомотив, и мальчишка, подсунув револьвер под ограду, быстро перелез ее поверху, расцарапав кожу и крепко приложившись обеими коленями, когда неудачно приземлился на заросшую сорняками заброшенную парковку с другой стороны.

Свисток поезда прозвучал ближе и громче.

«Совсем необязательно это делать».

«Зачем кому-то умирать?»

Но это говорил страх. Его мать погибла, и ее убийца должен за это заплатить. Так что он нацелился в просвет между выгоревшей мебельной фабрикой и промышленным корпусом, в котором некогда делали нитки, – теперь в нем недоставало одной стены. Между зданиями было заметно темнее, но Гидеон успешно пробрался между ними – ни разу нигде не свалившись, даже несмотря на россыпи битых кирпичей под ногами, – прямо к дыре в ограде возле старого белого дуба в дальнем углу. Здесь было чуть светлее от уличного фонаря и от нескольких низких звезд, но вскоре он опять оказался в темноте, протиснувшись на животе под проволокой и практически свалившись в лощину прямо за ней. Сухая земля легко осыпалась под ногами. Кое-как съехав на пятках вниз – непонятно, как еще револьвер в темноте не выронил, – Гидеон прошлепал по мелкому ручейку вниз и вскарабкался на противоположный склон. Встал, едва переводя дух, в протянувшихся вдоль путей густых зарослях кустарника. На фоне черной земли рельсы казались ослепительно-белыми.

Он согнулся в поясе, пытаясь умирить судорожную боль во всем теле; но поезд уже показался на повороте, выплюнул на склон холма луч ослепительно-яркого света.

Подумалось: сейчас он должен сбавить ход.

Но дудки.

Поезд взлетал на подъем, словно никакого подъема тут и в помине не было. Три локомотива сплошной стеной металла просвистели мимо, высасывая воздух из легких. Но за ними в гору стал ежесекундно взлетать вагон за вагоном – Гидеон скорее чувствовал, чем видел их в темноте. Пятьдесят, потом еще сотня – их вес все больше наваливался на локомотивы, тянул их назад, и вскоре он понял, что поезд действительно настолько замедлил ход, что за ним почти что можно поспеть бегом. Это он и попробовал сделать, бросившись бежать со всей мочи, в то время как отсвечивающие желтым колеса создавали вакуум, притягивая его к себе, хватая за ноги. Попытался уцепиться вначале за один вагон, потом за другой, но перекладины приделанных к ним лесенок оказались слишком высокими и скользкими.

Рискнув бросить взгляд назад, он увидел, что его нагоняют последние несколько вагонов – всего лишь штук двадцать, а вскоре и еще меньше. Если он упустит этот поезд, то упустит и шанс добраться до тюрьмы. Сделал еще одну отчаянную попытку дотянуться, растопырив пальцы, но упал, рассадив лицо. Вскочил, опять побежал и наконец-то надежно ощутил в руке перекладину лесенки. Плечо взорвалось резкой болью, а одна ступня несколько раз долбанула о мелькающие снизу концы деревянных шпал, пока, наконец, Гидеон вдруг не оказался в спасительной скорлупе вагона.

Получилось! Он в поезде, который увозит его туда, где он убьет человека, и осознание этого тяжело придавило его в темноте. Теперь это все не какие-то разговоры, не планы и не предположения.

Через четыре часа встанет солнце.

Пули будут настоящими пулями.

«Ну и что с того?»

Он сидел в черной, как смоль, тьме, полный решимости, пока за открытой дверью вздымались и опадали силуэты холмов, а дома помигивали между ними будто звезды. Думал о бессонных ночах и голоде. А потом где-то под ним блеснула река, и он стал высматривать тюрьму, яркие огни которой вскоре сверкнули в нескольких милях впереди со дна долины. Она приближалась с каждой секундой, и Гидеон высунулся из вагона и приготовился, когда земля под насыпью показалась более-менее плоской и не очень каменистой. Стал искать в себе силы для прыжка, но все еще оставался в вагоне, когда тускло освещенный участок земли промелькнул мимо, а здание тюрьмы утонуло во тьме, словно корабль в океане. Еще немного, и все будет напрасно, так что он представил себе лицо матери, шагнул вперед, упал и ударился о землю, словно мешок с камнями.

Когда Гидеон очнулся, было еще по-прежнему темно, и, хотя звезды немного потускнели, света хватало, чтобы кое-как хромать по путям, пока впереди не показалась дорога, ведущая к скоплению коричневых зданий, которое он уже видел из движущегося вагона. Подошел к вывеске, черные буквы на которой гласили «ПРИВЕТ СИДЕЛЬЦАМ!», различил очертания раскинувшегося по бокам от нее шлакоблочного здания бара в два окна. Его лицо смутно отражалось в стекле. Рядом не было ни людей, ни машин, а переведя взгляд к югу, Гидеон увидел вздымающееся вдаль здание тюрьмы. Он долго смотрел на него, прежде чем проскользнуть в переулок на задах бара и прислониться спиной к мусорному контейнеру, от которого несло куриными крылышками, окурками и мочой. Полагалось бы радоваться, что пока все идет по плану, но револьвер в руке, прижатой к бедру, казался каким-то чужим. Первое время Гидеон пытался наблюдать за дорогой, но наблюдать там было не за чем, так что он прикрыл глаза и попытался представить себе пикник, который они устроили, когда он был совсем мал. Фото, сделанное в тот день и оправленное в рамку, стояло на тумбочке возле его кровати. На нем были желтые шорты с огромными пуговицами, и сейчас ему казалось, будто он может припомнить, как отец поднимал его высоко над головой и крутил вокруг себя. Гидеон держался за это детское воспоминание, сколько мог, а потом попробовал представить, каково это – убить человека.

Курок – назад.

Руку вперед, держать твердо.

Он столько раз отрабатывал это у себя в голове, что наверняка должен был справиться, но даже в мыслях револьвер дрожал и сохранял молчание. Гидеон уже многие тысячи раз на протяжении многих тысяч ночей представлял себе одну и ту же картину.

«Отец – не настоящий мужчина».

«И он никогда не станет настоящим мужчиной».

Прижав ствол себе ко лбу, Гидеон попросил у Господа придать ему сил, а потом прошел через все это еще раз.

«Курок – назад!»

«Руку – вперед!»

Еще больше часа он пытался вернуть себе утраченную решимость, но в конце концов его лишь вырвало в темноту, после чего он так крепко обхватил себя за ребра, словно все тепло во всем мире тоже окончательно истощилось.

2

Для начала надо хотя бы выспаться – дальше в своих мыслях Элизабет пока не шла. Но усталость была не просто физической. Непроходящий упадок сил несли с собой два мертвеца и вопросы, которые потом последовали – тринадцать лет полицейской работы, похоже, пошедшие псу под хвост. В голове постоянно проигрывалось одно и то же, словно со склеенной петлей киноплёнки: пропавшая девушка и подвал, окровавленная проволока и «поп, поп!» первых двух выстрелов. Два она еще смогла бы объяснить, может, даже и шесть, но восемнадцать пуль в двух трупах – это уже не то, с чем пройдут любые отмазки, даже при том, что девушка осталась жива. После той стрельбы прошло уже четыре дня, но жизнь по-прежнему оставалась какой-то чужой и незнакомой. Вчера некое семейство из четырех человек остановило ее на тротуаре, чтобы выразить благодарность за то, что сделала мир чуточку лучше. А буквально через час кто-то плюнул на рукав ее любимой куртки...

Элизабет прикурила сигарету, размышляя о том, как все это восприняли разные люди. Для тех, у кого были дети, она – герой. Девушка на свободе, плохие люди мертвы. Для многих, похоже, это было вполне справедливо. Для тех же, кто в принципе не доверял полиции, Элизабет оказалась свидетельством всего худшего, что есть в органах власти. Два человека безжалостно и жестоко убиты. И забудьте, что они были наркоторговцами, похитителями и насильниками! Они погибли от *восемнадцати* пуль, и для многих это совершенно непростительно. Подобные люди использовали такие слова, как «пытки», «казнь» и «полицейский произвол». Элизабет очень из-за этого переживала, но в основном ощущала просто усталость. Сколько уже суток без нормального сна? И сколько ее ждет ночных кошмаров, когда сон наконец придет? И пусть город несколько не изменился, а в ее жизни присутствовали те же самые люди, казалось, что с каждым часом все сложнее оставаться тем человеком, которым она совсем недавно была. Сегодняшний день – идеальный тому пример. Элизабет провела в машине семь часов, бесцельно раскатывая по городу и пригородам, мимо отдела полиции и своего дома, доезжала до тюрьмы и возвращалась обратно. Но что еще ей оставалось делать?

Дома – полнейший вакуум.

На работу нельзя.

Заехав на темную стоянку на опасном краю городского центра, она вырубил мотор и прислушалась к звукам, которые издавал город. В двух кварталах от нее из клуба долбила музыка. На углу взвизгнул генераторный ремень автомобиля. Откуда-то донесся смех. После четырех лет в полицейском мундире и девяти с золотым значком детектива Элизабет знала каждый нюанс каждого городского ритма. Город был ее жизнью, и долгое время она любила его. А теперь казалось, что он... *какой?*

Подходит ли тут слово «враждебный»? Нет, пожалуй, это слишком грубо.

Может, «чужой»?

«Незнакомый»?

Выбравшись из машины, она постояла в темноте. Далекий уличный фонарь дважды мигнул, потом щелкнул и потух. Элизабет медленно повернула голову, представляя себе каждый глухой переулочек и каждую окольную улочку в радиусе десяти кварталов. Она знала все наркоманские точки и ночлежки, знала всех проституток и толкачей, знала, на каких углах можно с наибольшей вероятностью схлопотать пулю, если скажешь что-нибудь не то или полезешь на рожон. На этом разваливающемся клочке трещащего по швам города были убиты уже семь человек, и это всего лишь за последние три года.

Ей тысячу раз доводилось бывать и в более мутных местах, но без значка это ощущалось совсем по-другому. Играл свою роль моральный авторитет, равно как и чувство принадлежности к чем-то большему, чем просто ты сам. Это не был страх: «нагота» – вот, навер-

ное, самое подходящее слово. У Элизабет не было ни сердечных дружков, ни подружек, ни каких-то хобби. Она была копом. Она любила драки и погони, изредка выпадающие прекрасные моменты, когда она помогала людям, которые действительно этого заслуживали. Что же останется, если она все это потеряет?

«Ченнинг», – сказала она себе.

«Ченнинг останется».

То, что девчонка, которую она едва знала, может иметь для нее такое значение, было странно. Но тем не менее... Когда Элизабет обуревали темные мысли или она чувствовала себя потерянной, сразу вспоминала эту девушку. То же самое, когда мир начинал прижимать все сильнее или когда Элизабет прикидывала реальность шансов отправиться в тюрьму за то, что произошло в той холодной сырой дыре подвала. Ченнинг осталась в живых, и как бы она ни пострадала, у нее все равно оставался шанс обрести нормальную полноценную жизнь. Очень многие жертвы преступлений не могут такого про себя сказать. Черт, Элизабет знавала и копов, которые тоже не могли бы про себя такое сказать!

Затушив сигарету, в автомате рядом с пустой закуской Элизабет купила газету. Вернувшись в машину, развернула ее на руле и увидела собственное лицо, уставившееся на нее в ответ. На черно-белом снимке вид у нее был холодный и отстраненный, но, наверное, такое впечатление скорее создавал заголовок под фотографией.

«Коп-герой или ангел смерти?»

Через два абзаца стало ясно, о чем думал автор статьи. Слово «предположительный» по отношению к преступникам использовалось не раз и не два – равно как и фразы вроде «непостижимая жестокость», «неоправданное применение силы», «погибли в страшных мучениях»... После долгих лет позитивных материалов местные журналисты, похоже, в конце концов всерьез ополчились против нее. Не то чтобы Элизабет могла их в этом особо винить – только не со всеми этими протестами и общественным возмущением, не после того, как подключилась полиция штата. Фотография, которую они выбрали, говорила сама за себя. Стоя на ступеньках здания суда и упорно глядя в землю, она выглядела холодной и неприступной. Эти высокие скулы и глубокие глаза, эта чересчур бледная кожа, которая выглядела серой на газетной странице...

«Ангел смерти... О господи!»

Отшвырнув газету на заднее сиденье, Элизабет завела мотор и стала выбираться из гнилого района в сторону относительной цивилизации. Проехав мимо мраморного здания суда и фонтана на площади, двинулась к городскому колледжу, где скользнула, словно призрак, мимо кофешопов, баров и толп шумной хохочущей молодежи. Потом оказалась в недавно реконструированном квартале, минуя череды жилых многоквартирных лофтов, художественных галерей и перестроенных складов, превращенных в крафтовые пивоварни, дневные оздоровительные центры и экспериментальные театры. На тротуарах – обитающие тут хипстеры, туристы, иногда бездомные... Выбравшись на четырехполосный проспект, протянувшийся мимо сетевых ресторанов и старого торгового центра, Элизабет прибавила газу. Движение здесь было не таким плотным, пешеходов поменьше, и вели они себя более спокойно, просто шли куда-то по своим делам. Попробовала включить радио, но ток-шоу оказались скучными, а ничто из музыки на музыкальных каналах не привлекло. Свернув к востоку, покатила по узенькому шоссе между разбросанных там и сям рощиц и каменных колонн, украшающих въезды на богатые частные участки. Через двадцать минут выбралась за пределы города. Еще через пять миль дорога пошла на подъем. Остановившись на вершине горы, Элизабет прикурила новую сигарету и оглядела город, размышляя, каким чистым он выглядит с высоты. На миг забыла про девушку в подвале. Ни истошных криков, ни крови, ни дыма, ни сломленного ребенка, ни непоправимых ошибок. Только свет и только тьма. Ничего серого, никаких полутонов. Ничего среднего.

Подступив к краю горы, она посмотрела вниз и попыталась найти какую-нибудь причину для надежды. Никаких обвинений не выдвинули. Тюрьма вроде не светила.

«Пока что...»

Щелчком запустив окурок в темноту, Элизабет в третий раз за много дней набрала номер девушки.

– Привет, Ченнинг, это я.

– Детектив Блэк?

– Для тебя просто Элизабет, помнишь?

– Угу, простите. Я спала.

– Так я тебя разбудила?.. Прости. Просто совсем в последнее время голова не варит. – Элизабет сильнее прижала телефон к уху и прикрыла глаза. – Окончательно потеряла представление о времени.

– Да все нормально. Я на снотворном. Это все мама, вы же знаете.

Послышалось какое-то шуршание, и Элизабет представила, как девушка садится на кровати. Всего восемнадцать годков – натуральная кукла с затравленным взглядом и того рода воспоминаниями, которых не пожелаешь никакому ребенку.

– Я просто волновалась за тебя. – Элизабет стискивала телефон, пока не заболела рука, а мир вокруг не перестал кружиться. – При всем, что вокруг творится, хорошо знать, что хотя бы у тебя всё в порядке. Становится немного легче.

– Я в основном сплю. Плохо, только когда просыпаюсь.

– Мне так жаль, Ченнинг...

– Я никому не рассказывала.

Элизабет словно застыла. Вокруг горы кружился теплый ветерок, но вдруг стало холодно.

– Вот потому-то я и позвонила, зайчик. Тебе не надо...

– И вправду здорово, что вы спрашиваете, Элизабет! Я ни одной живой душе не рассказывала, что на самом деле произошло. И не буду. В жизни не стала бы.

– Я знаю, но...

– У вас иногда бывает такое, что весь мир темнеет?

– Ты плачешь, Ченнинг?

– Все вокруг какое-то серое...

Голос в трубке надломился, и Элизабет смогла представить девичью спальню в большом родительском доме на другой стороне города. Шесть дней назад Ченнинг исчезла с одной из городских улиц. Ни свидетелей. Ни мотивов, не считая самых очевидных. Через два дня после этого Элизабет выводила ее, моргающую на свет, из подвала заброшенного дома. Люди, которые ее похитили, были уже мертвы – получили восемнадцать пуль на двоих. И вот где они обе теперь, четверо суток спустя: полночь, девичья комнатка по-прежнему такая же розовая, уютная и полна всяких милых детских вещиц... Если в этом и крылось какое-то послание, то Элизабет не могла его отыскать.

– Зря я позвонила, – произнесла она. – Это эгоизм с моей стороны. Отправляйся-ка опять спать.

Какое-то шипение на линии.

– Ченнинг?

– Понимаете, они все время спрашивают, что там произошло... Мои родители. Психологи. Постоянно спрашивают, но я только рассказываю, как вы убили этих людей, и как спасли меня, и как я жутко обрадовалась, когда они умерли.

– Всё в порядке, Ченнинг. И с тобой всё в порядке.

– Это значит, что я плохая, Элизабет?.. Потому что я так обрадовалась? Раз я думаю, что и восемнадцати пуль им мало?

– Ну конечно же, нет! Они это заслужили.

Но девушка по-прежнему плакала.

– Я вижу их, как только закрою глаза... Слышу шуточки, которые они иногда отпускали. Про то, как убьют меня. – Ее голос опять надломился, и на сей раз заметней. – Я все еще чувствую его зубы у себя на коже...

– Ченнинг...

– Я слышала одно и то же столько раз, что начала верить тому, что он говорил. Что я заслужила то, что они делали со мной, что я буду просить смерти, прежде чем они закончат, что я буду умолять, пока они наконец не позволят мне умереть!

Рука Элизабет на телефоне еще больше побелела. Врачи насчитали девятнадцать следов от укусов, большинство из которых прорвали кожу насквозь. Но Элизабет знала из долгих обсуждений: больней всего ранило Ченнинг то, что они ей говорили, – знание и страх; то, как они пытались сломать ее.

– Я попросила бы его убить меня, – проговорила Ченнинг. – Если б вы в тот момент не появились, я стала бы его умолять.

– Теперь все кончено.

– Не думаю, что кончено.

– Кончено. Ты гораздо сильнее, чем сама думаешь.

Ченнинг опять погрузилась в молчание, и в наступившей тишине Элизабет слышала, какое прерывистое у нее дыхание.

– Вы приедете завтра меня навестить?

– Постараюсь, – ответила Элизабет.

– Ну пожалуйста!

– Завтра у меня разговор с полицией штата. Если получится, то приеду. Если нет, то на следующий день.

– Обещаете?

– Обещаю, – ответила Элизабет, хотя чинить поломанные вещи никогда не умела и даже не пробовала.

* * *

Забравшись обратно в машину, Элизабет все еще чувствовала себя в полном раздразе, и, как и в другие моменты своей жизни, когда было некуда пойти и нечем заняться, в итоге оказалась возле церкви своего отца – скромного строения, которое узкой и бледной тенью возвышалось на фоне ночного неба. Остановив машину под высоким шпилем, оглядела маленькие домики, выстроившиеся в темноте, словно коробки, и в сотый раз подумала, что вполне могла бы тоже жить в одном из таких домиков. В такой же бедности, где люди работают, растят детей и помогают друг другу. Добрососедские отношения вроде бы большая редкость в наши дни, и она в очередной раз подумала, что многое из того, что делает это место таким особенным, – заслуга ее родителей. Как бы они с отцом ни расходились во взглядах на жизнь и на то, какую именно жизнь следует вести, пастырем он был от Бога. Если людям требовалось найти путь к Господу, то лучшего проводника было просто не сыскать. Доброта. Общность. Фактически только он и поддерживал жизнь в этом районе, но все давно заглохло бы, если б не делалось так, как единолично решил он сам.

Элизабет потеряла веру в это, когда ей было семнадцать...

По узкой дорожке она прошла под густыми деревьями и оказалась у домика священника, где жили ее родители. Как и сама церковь, он был маленький, простой, и без всяких затей выкрашен белой краской. Она не ожидала застать кого-то бодрствующим, но ее мать сидела за кухонным столом. У нее были такие же скулы, как у Элизабет, те же глубокие глаза – красивая женщина с тронутыми сединой волосами и кожей по-прежнему гладкой, несмотря на долгие

годы тяжелой работы. Элизабет целую минуту наблюдала за ней через окно, слыша лай собак, далекий локомотив, плач младенца в каком-то из домов вдали. С момента стрельбы в подвале она старательно избегала этого места.

«Тогда почему же я здесь?»

Не из-за отца, подумала она. Вот уж нет. Никогда.

«Тогда почему?»

Но она знала.

Постучавшись, Элизабет выждала, пока за москитной сеткой не зашуршала ткань и не появилась ее мать.

– Привет, ма.

– Девочка моя! – Сетчатая дверь распахнулась, и мать вышла на крыльцо. Ее глаза блеснули в тусклом уличном свете, на лице была написана радость, когда она распахнула объятия и обняла дочь. – Не звонишь. Не появляешься...

Произнесла она это легко и беззаботно, но Элизабет сжала ее еще крепче.

– Это были очень плохие несколько дней. Прости.

Мать отодвинула Элизабет на расстояние руки и изучила ее лицо.

– Мы отправляли эсэмэски, сама знаешь. Даже отец звонил.

– Я не могу разговаривать с папой.

– Что, все действительно так плохо?

– Давай просто скажем, что в мой адрес высказывается достаточно суждений, чтобы обойтись еще и без суждений с небес.

Это не была шутка, но мать рассмеялась, хорошим, добрым смехом.

– Заходи, выпей чего-нибудь.

Она провела Элизабет в дом, усадила за маленький столик и принялась хлопотать – принесла лед и полупустую бутылку теннесийского виски.

– Не хочешь об этом поговорить?

Элизабет помотала головой. Ей хотелось быть честной с матерью, но она уже давно выяснила, что и одна-единственная ложь способна отравить даже самый глубокий колодец. Лучше вообще ничего не говорить. Лучше держать все в себе.

– Элизабет?

– Прости. – Элизабет опять помотала головой. – Я не хотела быть такой отчужденной. Просто все кажется таким... запутанным.

– Запутанным?

– Да.

– Что за глупости!

Элизабет открыла было рот, но мать только отмахнулась.

– Да я такого рассудительного человека, как ты, в жизни еще не видела! И ребенка, и взрослого. Ты всегда видишь все гораздо ясней и четче, чем остальные. В этом смысле ты такая же, как твой отец, хотя и веришь в совершенно другие вещи.

Элизабет взглядела вглубь темного коридора.

– Он здесь?

– Отец-то? Нет. У Тёрнеров опять проблемы. Твой отец пытается помочь.

Элизабет знала Тёрнеров. Жена – пьяница, в любой момент готова устроить скандал. Даже покалечила своего мужа однажды, а вызов приняла как раз Элизабет, в свой последний день работы в патрульных. Можно было прикрыть глаза и сразу представить себе узкий тесный домик, женщину в розовом домашнем халате и весом от силы в какую-то сотню фунтов².

«Мне нужен преподобный!»

² 100 фунтов – чуть больше 45 кг.

В руке у нее была скалка, которой она размахивала в полутьме. Ее муж лежал на полу весь в крови.

«Я не буду разговаривать ни с кем, кроме преподобного!»

Элизабет приготовилась действовать жестко, но ее отец уговорил тетку, а ее муж – в очередной раз – отказался писать заявление в полицию. Это было несколько лет назад, и преподобный до сих пор занимался их воспитанием.

– Он ведь никогда не отступается?

– Твой отец-то? Нет.

Элизабет посмотрела в окно.

– Он говорил что-нибудь про ту стрельбу?

– Нет, зайчик. Да и что он мог сказать?

Хороший вопрос, и Элизабет знала ответ. Как он отреагировал бы? Да просто обвинил бы ее в этих смертях, в том, что она вообще-то коп, для начала. Сказал бы, что один раз она уже обманула его доверие и что все плохое вытекает из того одного-единственного неверного решения: и подвал, и мертвые братья, и ее карьера...

– Он до сих пор не может смириться с жизнью, которую я избрала.

– Ну как же не может? Он ведь твой отец, и он тоскует...

– По мне?

– По лучшим временам, наверное. По тому, что когда-то было. Никакой мужчина не хочет, чтобы его ненавидела собственная дочь.

– Я не ненавижу его.

– Но и не прощаешь.

Элизабет не могла не признать правду. Она держалась на расстоянии, и даже когда они просто оказывались вдвоем в одной комнате, в ней тут же повисал отчетливый холодок.

– Ма, как вышло, что вы оба такие разные?

– На самом деле никакие мы не разные.

– Морщинки, когда вы смеетесь. Морщинки, когда вы хмуритесь. Одобрение. Осуждение. Вы настолько противоположны, что я диву даюсь, как это вы остаетесь вместе так долго! Просто поражаюсь. Правда поражаюсь.

– Ты несправедлива к своему отцу.

– Да ну?

– Ну что я могу сказать тебе, детка? – Ее мать отпила виски и улыбнулась. – Сердцу не прикажешь.

– Даже после стольких лет?

– Ну, может, с некоторых пор дело уже и не в сердце... Да, он может быть сложным, но лишь потому, что видит мир совершенно четко и ясно. Добро и зло, одна прямая дорога... Чем старше я становлюсь, тем больше спокойствия нахожу в подобной определенности.

– Господи, ты ведь изучала философию!

– Это была совершенно другая жизнь.

– Жила в Париже. Писала стихи.

Ее мать лишь отмахнулась.

– Тогда я была просто девчонкой, а Париж – это просто место. Ты спрашиваешь, почему мы так долго остаемся вместе, и где-то в глубине сердца я помню, каково это – когда есть четкое видение и цель, когда есть твердая решимость каждый день делать мир хотя бы чуточку лучше. Жить с твоим отцом – все равно что стоять рядом с открытым огнем; это в чистом виде сила, жар и сознание собственного предназначения. Он встает с постели уже заведенный и заканчивает день таким же. Он множество лет делал меня жутко счастливой.

– А сейчас?

Мать ностальгически улыбнулась.

– Давай просто скажем: насколько бы жестче и неуступчивей ни стал твой отец, мой дом всегда будет там, где его дом.

Элизабет не могла не оценить простую элегантность подобной самоотверженной верности. Священник. Жена священника. Лиз позволила молчанию продлиться еще чуть-чуть, размышляя, как это, наверное, у них было: страсть и холодный расчет, чаяния молодости и величественная каменная церковь...

– Совсем ведь не похожа на ту, что была? – Опять отвернувшись к окну, она уставилась на обложенные разномастными камнями клумбы и коричневую траву, на бедную, узкую церковку, обшитую выгоревшей на солнце вагонкой. – Я вспоминаю про нее иногда: прохладная и тихая, вид с крыльца до самого горизонта...

– Я-то думала, ты терпеть не можешь старую церковь.

– Не всегда. И не с такой страстью.

– Почему ты здесь, деточка? – В том же оконном стекле появилось и отражение матери. – Если по правде?

Элизабет вздохнула, понемногу понимая, в чем на самом деле причина ее появления здесь.

– Я хороший человек? – Мать начала улыбаться, но Элизабет ее остановила. – Я серьезно, ма! Вот сейчас. Середина ночи. Все у меня в жизни пошло наперекосяк, я понятия не имею, чем все это кончится, – и вот сразу прискакала сюда...

– Не будь дурочкой.

– Я человек, способный только брать?

– Элизабет Фрэнсис Блэк, вы в жизни никогда ничего не брали! С тех пор, как ты была маленькая, я видела, как ты только даешь, сначала своему отцу и приходу, а потом и всему городу! Сколько у тебя медалей? Сколько жизней ты спасла? К чему весь этот разговор на самом деле?

Элизабет опять села за стол и уставилась на свой стакан, опустив голову в плечи.

– Ты знаешь, как хорошо я стреляю.

– А! Теперь понимаю. – Мать взяла дочь за руку, и вокруг глаз у нее собрались морщинки, когда она слегка сжала ей пальцы и уселась напротив. – Если ты выстрелила в этих людей восемнадцать раз, значит, у тебя имелась на то веская причина. И кто бы что ни говорил, это не заставит меня испытывать по этому поводу какие-то другие чувства.

– Ты уже читала газеты?

– Общие слова. – Она презрительно фыркнула. – Перевернули всё с ног на голову.

– Убиты два человека. Что тут еще скажешь?

– Девочка! – Мать опять наполнила стакан Элизабет, подлила и себе. – Это все равно что использовать слово «белый», описывая восход полной луны, или «мокрый», чтобы передать величие океана. Ты спасла невинную девочку. Все остальное на этом фоне просто бледнеет.

– Ты в курсе, что полиция штата ведет расследование?

– Я знаю лишь одно: ты делала то, что сочла правильным, что подсказало тебе твое сердце, и если ты выстрелила в этих людей восемнадцать раз, значит, на то была веская причина.

– А что, если полиция штата с этим не согласится?

– О боже! – ее мать опять рассмеялась. – Нельзя же настолько в себе сомневаться! Ну проведут они по-быстрому свое расследование, очистят твое имя... Тебе наверняка это тоже ясно.

– Похоже, прямо сейчас ничего не ясно. Что именно произошло. Почему это произошло. Я вообще-то не спала еще нормально ни разу.

Ее мать пригубила виски, а потом подняла палец.

– Тебе знакомо слово «вдохновение»? Его значение? Откуда оно взялось?

Элизабет покачала головой.

– В Средние века никто не понимал вещи, которые делают некоторых людей особенными, – вещи вроде воображения, или творческих способностей, или дара предвидения. Люди жили и умирали в одной и той же маленькой деревушке. Они понятия не имели, почему встает и садится солнце или почему наступает зима. Они ковырялись в грязи и умирали молодыми от всяких болезней. Каждая живая душа в то темное, сложное время сталкивалась с одними и теми же ограничениями – каждая живая душа, за исключением крошечного драгоценного меньшинства, которое редко попадало в тот мир и видело вещи совсем по-иному: поэтов и изобретателей, художников и зодчих... Простой народ не понимал таких людей – им было неизвестно, как это человек может однажды проснуться и увидеть мир совершенно другими глазами. Они думали, что это дар Божий. Отсюда и слово «вдохновение». Оно означает, что в тебя что-то вдохнули.

– Я не художник и не поэт. Какие уж там прозрения...

– И все же у тебя хорошо развита интуиция, способность к внутреннему озарению, столь же редкая, как и поэтический дар. Ты не стала бы убивать этих людей, если б не было другого выхода.

– Послушай, ма...

– Вдохновение! – мать уже слегка развезло, и ее глаза увлажнились. – То, что вдохнул сам Господь!

* * *

Через тридцать минут Элизабет уже ехала обратно в сторону центра. Городок был вполне приличных размеров для Северной Каролины – сто тысяч жителей в пределах городской черты, и еще вдвое больше рассыпалось по прилегающему административному округу. Местами он был все еще богат, но после десяти лет экономического спада стали все более явно проглядывать глубокие трещины. Разбитые магазинные витрины попадались там, где раньше об этом нельзя было и помыслить. Выбитые стекла никто не вставлял, здания оставались некрашеными. Элизабет миновала место, где некогда располагался ее любимый ресторан, и увидела компаньку малолетней шпаны, о чем-то скандалящей на углу. Теперь и это встречалось все чаще: злоба, недовольство... Безработица вдвое превышала общенациональный уровень, и с каждым годом становилось все труднее делать вид, будто лучшие времена не остались в далеком прошлом. Впрочем, все это вовсе не означало, что местами город не был красив. На самом деле он весьма неплох на вид: старые дома и ограды из штaketника, бронзовые статуи, наводящие на мысли о былой стабильности, о войне и самопожертвовании... Все-таки уцелели островки, вызывающие гордость, но, похоже, даже самые достойные люди выражали ее с некоторой опаской, словно почему-то это могло повлечь за собой нехорошие последствия, – как будто лучше всего было не высовываться и тихо ждать более чистого неба.

Припарковавшись перед управлением полиции, Элизабет присмотрелась сквозь стекло машины. Здание было высотой в три этажа и построено из такого же камня и мрамора, что и городской суд. Справа от него, через боковую улочку, занимал свой узенький участок китайский ресторан. Кварталом дальше располагалось кладбище конфедератов³, а за ним – железнодорожное депо, от которого к северу и югу тянулись рельсы. В детстве прямо по этим путям субботним вечером она ходила вместе с подружками в город – в кино или поглазеть на парней в парке. Теперь ей было трудно такое даже представить. Дети на железнодорожных путях!

³ Конфедераты (или просто «южане») – сторонники сохранения рабовладельческого строя, воевавшие на стороне Конфедеративных Штатов Америки (одиннадцати южных рабовладельческих штатов) в ходе Гражданской войны в США (1861–1865). Отдание почестей конфедератам и использование флага Конфедерации до сих пор регулярно вызывают в стране скандалы и политическое противостояние, в том числе и на «уличном» уровне.

Свободно шатающиеся по городу! Элизабет опустила боковое стекло, вдохнув запах асфальта и горячей от быстрой езды резины. Прикурив сигарету, посмотрела на здание управления.

«Тринадцать лет...»

Она попробовала представить, что всего этого нет: работы, отношений, чувства цели... Когда ей исполнилось семнадцать, все, чего ей хотелось, это стать копом, поскольку копы не боятся того, чего боятся нормальные люди. За копами сила. У них авторитет и четкая цель. Они – положительные персонажи, они на стороне добра.

Верила ли она в это до сих пор?

Элизабет прикрыла глаза, размышляя об этом. А когда открыла их опять, то увидела, как по широким ступенькам, раскинувшимся перед зданием, спускается Фрэнсис Дайер. Он двигался наискосок через улицу напрямик к ней, и его хорошо знакомое лицо было раздраженным и угрюмым. После той стрельбы они с ним немало спорили, но без ожесточения. Он был старше, вел себя мягко и искренне волновался за нее.

– О, капитан! Какая неожиданная встреча в столь поздний час!

Он остановился возле открытого окна, изучая ее лицо и салон машины и обводя глазами сигаретные пачки, пустые банки из-под «Ред Булла» и с полдюжину скомканных газет, усыпавших заднее сиденье. Наконец его взгляд остановился на мобильном телефоне, лежащем рядом с ней.

– Я оставил шесть сообщений!

– Прости. Я его выключила.

– С какой это стати?

– Большинство звонков – от репортеров. Мне что, лучше было с ними пообщаться?

Ее ответ его явно разозлил. Частично в этом было беспокойство, а частично свойственное всем копам стремление все и вся контролировать. Она была детективом, но временно отстраненным от должности; другом, но недостаточно близким, чтобы объяснить то раздражение, которое он испытывал. Это было ясно написано у него на лице, в прищуре глаз, изгибе мягких губ и румянце, вдруг запятнавшем щеки.

– Что ты тут вообще делаешь, Лиз? Времени уже за полночь!

Она пожалала плечами.

– Я тебя предупредил. Пока дело не будет закрыто...

– Я не собиралась заходить внутрь.

Дайер немного выждал все с тем же выражением лица и той же тревогой в глазах.

– Завтра тебе общаться с полицией штата. Надеюсь, не забыла?

– Ну конечно же, нет.

– Ты уже встречалась со своим адвокатом?

– Да, – соврала она. – Все утрясла.

– Тогда тебе сейчас следует находиться с родными или друзьями, с людьми, которые тебе близки.

– Уже. Поужинала с друзьями.

– Да ну? И чем же ты угощались? – Ее рот было приоткрылся, но он тут же продолжил: – Ладно, проехали. Я не хочу, чтобы ты мне врала. – Посмотрел на нее поверх узеньких очков, а потом оглядел улицу в обе стороны. – У меня в кабинете. Через пять минут.

Когда Дайер отошел, Элизабет воспользовалась случаем привести мысли в порядок и взять себя в руки. Когда почувствовала, что готова, пересекла улицу и быстро избежала по ступенькам к двойным стеклянным дверям, отражающим свет уличных фонарей и звезд. Возле регистрационной стойки в вестибюле выдавила улыбку и шутливо подняла руки перед сержантом за пуленепробиваемым стеклом.

– Ну да, ну да, – отмахнулся тот. – Дайер сказал мне тебя пропустить. Выглядишь как-то по-другому.

– По-другому? Как?

Он покачал головой.

– Староват я уже для такой фигни.

– Какой еще фигни?

– Женщин обсуждать. Давать оценки.

Дежурный нажал на кнопку электрического замка, и под его треск она вышла на лестницу и поднялась в длинное открытое помещение, использующееся подразделением детективов. Там было почти пусто, большинство письменных столов скрывались в тени. Поначалу никто ее даже не заметил, но, когда щелкнула закрывшаяся дверь, грузный коп в помятом костюме поднял на нее взгляд от стола.

– Йо-йо! А вот и сеструха Блэк подгрэбла!⁴

– Йо-йо? – Элизабет подступила к нему.

– А чё? – Он откинулся в кресле. – На раёне за своего не прокानаю?

– Я бы держалась за то, что у тебя уже есть.

– И за что же?

Она подступила к его столу.

– За ипотеку, за детишек. За тридцать лишних фунтов веса и жену – сколько вы там в браке, девять лет?

– Десять.

– Ладно, десять так десять. Любящая семья, толстые артерии и двадцать лет до пенсии – есть за что держаться.

– Забавно. Спасибо на добром слове.

Элизабет взяла из стеклянной банки леденец, подбоченилась, выставив бедро, и посмотрела сверху вниз на круглое лицо Чарли Бекетта. Ростом он был в шесть футов три дюйма⁵ и уже порядком растолстел, но однажды она видела, как он перекинул двухсотфунтового⁶ подозреваемого через крышу припаркованной машины, даже не повредив краску.

– Классная прическа, – заметил Бекетт.

Она прикоснулась к своим волосам, ощутив, насколько они короткие и взлохмаченные, торчат во все стороны.

– Ты серьезно?

– Сарказм, женщина! Что это ты с собой сделала?

– Наверное, в зеркале мне виделось что-то другое.

– Наверное, тебе следовало нанять кого-нибудь, кто знает, что делает. Когда это произошло? Я же видел тебя два дня назад.

Она лишь смутно припоминала, как состригла их – в четыре утра, пьяная, не включив свет в ванной. Над чем-то тогда смеялась, но это больше походило на плач.

– Что ты тут вообще делаешь, Чарли? Ночь на дворе.

– Стрельба в колледже, – объяснил Бекетт.

– Господи, только не опять!

– Не, это из другой оперы. Какие-то местные ребятки пытались навалить одному салагепервокурснику, поскольку решили, что он гомик. Гомик там, не гомик, но оказалось, что он большой фанат закона про скрытое ношение⁷. Они загнали его в переулок возле парикмахерской на краю кампуса. Четверо на одного, вот он и вытащил «тридцать восьмой».

– Убил кого-нибудь?

⁴ Фамилия Блэк переводится как «черный». Детектив пытается пародировать говорок афроамериканской шпаны.

⁵ Шесть футов и три дюйма – 191 см.

⁶ Двести фунтов – 90 кг.

⁷ При соблюдении ряда обязательных условий обычным гражданам штата Северная Каролина разрешается скрытое ношение огнестрельного оружия.

– Прострелил одному из этих дутов руку. Остальные сдрыгнули, когда это произошло. Впрочем, у нас есть имена. Сейчас ищем.

– Этому парню что-нибудь предъявили?

– Так ведь четверо на одного! Студент, ни одного привода... – Бекетт покачал головой. –

Что касается меня, то сейчас чисто бумажки осталось оформить.

– И все, насколько я полагаю.

– Тоже так думаю.

– Слышь, мне надо идти.

– Угу, капитан сказал, что ты скоро появишься. Вид у него не слишком-то довольный.

– Он меня застукал, что околачиваюсь у входа.

– Но тебя же все-таки отстранили... Не забыла, надеюсь?

– Нет.

– И этим ты не особо помогаешь своему разбирательству.

Элизабет знала, что он имеет в виду. Возникло все больше вопросов про тот подвал – в отличие от имеющихся у нее ответов. Напряжение нарастало. Полиция штата. Генеральный прокурор.

– Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом. Как Кэрол?

Бекетт опять откинулся в кресле и пожал плечами.

– Работает допоздна.

– В парикмахерских салонах тоже бывает такая горячка?

– Верить или нет – случается. Свадьба, по-моему. Или развод. Короче, что-то такое празднуют. Вечером – глубокое кондиционирование. С утра стрижка и укладка.

– Ого!

– Во-во. Она все еще хочет привести тебя в порядок, кстати.

– С кем, с ортодонтом?

– С дантистом.

– А есть разница?

– Кто-то из них больше берет, по-моему.

Элизабет стряхнула воображаемую пылинку с плеча.

– Подождет.

– Послушай, Лиз. – Бекетт подался к ней, понизив голос. – Я ведь старался не дергать тебя с этой стрельбой. Верно? Старался быть напарником, другом, проявлять понимание. Но завтра эти копы из штата...

– У них есть моя объяснительная. Задавая одни и те же вопросы, не получишь каких-то других ответов.

– У них было четыре дня, чтобы найти свидетелей, поговорить с Ченнинг, обработать место происшествия... Они не будут задавать те же самые вопросы. Сама знаешь.

Она пожала плечами.

– Мой рассказ от этого не изменится.

– Это политика, Лиз. Сама-то понимаешь? Белый коп, черные потерпевшие...

– Они не потерпевшие!

– Послушай. – Бекетт изучал ее лицо, явно обеспокоенный. – Они хотят прищучить копа, который, на их взгляд, либо расист, либо психически нестабилен, или и то и другое сразу. Для них это ты. Скоро выборы, и генеральный прокурор хочет закорешиться с черным населением. Он думает, это как раз подходящий вариант.

– Да плевать я на все это хотела.

– Ты выстрелила в них восемнадцать раз.

– Они насильовали эту девчущку чуть ли не двое суток.

– Знаю, но послушай...

– Скрутили ей руки проволокой прямо до кости.

– Лиз...

– Да я сто лет уже Лиз, черт побери! Они ей сказали, что задушат ее, когда с ней закончат, а потом выбросят труп в карьер. Уже и пластиковый мешок, и строительный скотч приготовили. Один из них хотел отыметь ее уже мертвую. Называл это «родео с белой телкой».

– Да знаю я все это, – отмахнулся Бекетт.

– Тогда этого разговора не было бы.

– Но он есть, так ведь? Отец Ченнинг – богатый и белый. Люди, которых ты застрелила, – бедные и черные. Это политика. Пресса. Это уже началось. Сама ведь видела газеты. Еще вот столько, – он показал на пальцах, – и дело выйдет на общенациональный уровень. Люди хотят суда и приговора.

Элизабет знала, кого конкретно он понимал под «людьми». Политиков. Агитаторов-подстрекателей. Тех, кто считает, что существующая система окончательно коррумпирована.

– Ты можешь поговорить с юристом?

– Уже поговорила.

– Ой, да брось! – Бекетт откинулся в кресле, внимательно глядя на нее. – Он постоянно названивает сюда, ищет тебя... Говорит, что ты так и не пришла на встречу, не отвечаешь на звонки и не перезваниваешь. Полиция штата хочет впаять тебе двойное убийство, а ты так выдрючиваешься, будто бы и не разрядила весь боезапас в двух безоружных людей!

– У меня была веская причина.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, но вопрос не в этом, как тебе не понятно? Копов тоже сажают в тюрьму. Тебе это известно получше, чем всем остальным.

Его взгляд был таким же резким, как и слова. Но Элизабет было плевать. Даже после тринадцати лет.

– Я не собираюсь говорить про него, Чарли. Только не сегодня. И тем более с тобой.

– Сегодня он выходит из тюрьмы. Полагаю, ты сознаешь иронию ситуации. – Бекетт закинул за затылок сцепленные руки, словно вызывая ее оспорить очевидные факты.

«Копов тоже сажают в тюрьму».

«Иногда они оттуда выходят».

– Пойду-ка я лучше пообщаюсь с капитаном.

– Лиз, погоди...

Но она не стала. Отошла от Бекетта и дважды постучала перед тем, как открыть дверь капитанского кабинета. Дайер сидел за своим столом. Даже в столь поздний час костюм сидел на нем как влитой, галстук туго затянут.

– Ты как?

Она неопределенно махнула рукой, но не смогла скрыть злости и разочарования.

– Напарники. Мнения.

– Бекетт всего лишь желает тебе лучшего. Как и все наши.

– Тогда верни меня обратно на работу.

– А ты и вправду считаешь, что тебе это пойдет на пользу?

Элизабет отвернулась, поскольку вопрос угодил слишком близко к цели.

– Работа – это то, что получается у меня лучше всего.

– Я не буду восстанавливать тебя в должности, пока все это должным образом не утрясется.

Она рухнула в кресло.

– И сколько же это еще займет?

– Не те вопросы задаешь, Лиз.

Элизабет уставилась на собственное отражение в оконном стекле. Исхудала. На голове просто птичье гнездо.

- А какие надо?
- Серьезно? – Дайер воздел руки. – Ты вообще помнишь, когда в последний раз хоть что-нибудь ела?
- Это не существенно.
- Ну а спала когда в последний раз?
- Ладно. Хорошо. Признаю, что последние несколько дней были... несколько сложными.
- Сложными? Господи, Лиз, да у тебя такие круги под глазами, будто их специально нарисовали! Тебя вечно нет дома, это тебе любой из наших скажет. На звонки не отвечаешь. Только и делаешь, что катаешься взад-вперед на этой своей раздолбанной тачке...
- Вообще-то это «Мустанг» шестьдесят седьмого года.
- Не уверен, что на нем вообще можно выезжать на дороги общественного пользования. – Дайер склонился вперед, сцепив пальцы. – Эти копы из штата постоянно про тебя спрашивают, и становится все трудней и трудней отвечать, что ты в нормальной форме. Неделю назад я использовал бы слова вроде «рассудительная», «способная» и «сдержанная». А теперь даже и не знаю, что сказать. Ты стала дерганой, мрачной и непредсказуемой. Слишком много пьешь, опять закурила, после... как там, десяти лет завязки? Не хочешь общаться с психологом или своими коллегами. – Он указал ладонью на ее всклокоченные волосы и бледное лицо. – Да ты сейчас больше похожа на подростка, который под гóта косит, просто тень одна осталась...
- А мы не можем обсудить что-нибудь другое?
- По-моему, ты врешь насчет того, что произошло в подвале. Ну как, годится в качестве «чего-нибудь другого»?
- Элизабет отвернулась.
- Твое время вышло, Лиз. Полиция штата на это не купилась, и я тоже. Девчонка путается в деталях, что заставляет меня думать, что она тоже врет. Из твоей версии выпадает целый час времени. Ты полностью разрядила свой ствол.
- Если мы уже закончили...
- Нет, не закончили! – Дайер с недовольным видом откинулся в кресле. – Я звонил твоему отцу.
- О! – В этом восклицании прозвучала целая гамма смыслов. – Ну и как там преподобный Блэк?
- Говорит, что трещины в тебе столь глубоки, что даже свет самого Господа не способен достигнуть дна.
- Гм, ну что ж, – она отвернулась, – мой отец никогда за словом в карман не лез.
- Он хороший человек, Лиз. Позволь ему помочь тебе.
- То, что ты дважды в год посещаешь службы моего отца, не дает тебе права обсуждать с ним мою личную жизнь! Я не хочу его вмешивать, и мне не нужна помощь.
- Нет уж, ошибаешься. – Дайер положил руки перед собой на стол. – Вот это-то больше всего и печалит. Ты один из лучших копов, которых я когда-либо встречал, но при этом ты еще и ходячая катастрофа, каких свет не видывал! Все валишься и валишься под откос, словно поезд в замедленной съемке... Никто из нас не может от этого просто отвернуться. Мы хотим помочь тебе. Позволь нам тебе помочь.
- Так можно мне получить свой значок назад, или как?
- Выкладывай все как на духу, Лиз. Выкладывай как на духу, иначе эти копы из штата сожрут тебя живьем.
- Элизабет встала.
- Я знаю, что делаю.
- Дайер тоже поднялся и заговорил, когда она уже потянулась рукой к двери.
- Сегодня ты проезжала мимо тюрьмы.

Рука ее замерла на дверной ручке. Когда она обернулась, голос ее звучал холодно. Ему хотелось поговорить про завтрашний день и про тюрьму. Ну конечно, хотелось! В точности, как Бекетту. Как любому копу в управлении.

– За мной что, следили?

– Нет.

– Кто меня видел?

– Неважно. Ты поняла, о чем я.

– Давай сделаем вид, что я не умею читать мысли.

– Я не хочу, чтобы ты даже близко подходила к Эдриену Уоллу.

– Какому еще Эдриену?

– И не надо делать из меня придурка! Ему одобрили условно-досрочное. Завтра он выходит.

– Не пойму, о чем это ты, – сказала Элизабет.

Но все-то она понимала, и оба они прекрасно это знали.

3

Парадокс жизни за тюремными стенами заключается в том, что любой день может кончиться кровью, а каждое утро ухитряешься начать в точности с одного и того же. Человек просыпается и на протяжении двух ударов сердца еще не знает, где он или чем прямо сейчас окажется. Эти несколько секунд – настоящее волшебство, теплый проблеск перед тем, как реальность пройдет своими ногами по его груди, ведя за собой черного пса воспоминаний. И это утро тоже ничем не отличалось от любого другого: время поначалу ненадолго застыло, а потом разом вернулась память обо всех тех вещах, что пришли с тринадцатью годами в камере. Подобные моменты для большинства людей и без того достаточно плохи.

Для копа они еще хуже.

А уж для такого копа, как Эдриен, и вовсе невыносимы.

Он сел в темноте на своей койке и дотронулся до лица, которое больше не ощущалось как его собственное. Палец провалился в углубление размером с монетку где-то под самым уголком его левого глаза. Он проследил линию перелома до самого носа, а потом туда, где длинные шрамы собрались в углублении щеки. Они зажили, побелели, но тюремные швы – далеко не образец пластической хирургии. Хотя если время отсидки и научило его кое-чему, так это тому, что действительно имеет значение в жизни.

Что он пропал, погиб, потерян для всего остального мира.

Что он всеми в этом мире забыт и брошен на произвол судьбы.

Откинув грубые простыни, Эдриен делал отжимания, пока не затряслись руки, а потом встал в темноте и попытался забыть ощущение черноты, тишины и воспоминаний, пытающихся проскрестись на поверхность, проявиться где-то сразу под веками. Он угодил сюда через два месяца после своего тридцатого дня рождения. Сейчас ему уже сорок три – покрытому шрамами, сломанному и переделанному заново. Узнает ли его вообще кто-нибудь? Узнает ли жена?

«Тринадцать лет», – подумал он.

– Да, целая жизнь.

Голос был так тих, что едва улавливался. Уголком глаза Эдриен уловил какое-то движение и обнаружил в самом темном углу камеры Эли Лоуренса. Тот казался совсем крошечным за пределами койки – глаза тускло-желтые, лицо настолько темное и морщинистое, что сразу трудно было понять, где кончается старик и начинается тьма.

– Он опять говорит, – вслух произнес Эдриен.

Старик только медленно опустил веки, словно говоря: «Да, такое бывает».

Эдриен тоже закрыл глаза, а потом отвернулся и обхватил пальцами металлические прутья – такие теплые, что казалось, будто они сами источают пот. Он никогда не знал, заговорит ли Эли опять или нет, откроются ли, заморгав, его глаза или останутся закрытыми до тех пор, пока старик не растает в полумраке. Даже сейчас единственными звуками в камере были дыхание Эдриена и скрип, который издавали пальцы, скользкие и влажные, выкручиваясь на металле. Это был его последний день в тюрьме, и за решеткой уже теплился рассвет. Между этим местом и тем, где он стоял, простирался холл, серый и пустой, и Эдриен гадал, не окажется ли мир снаружи столь же пустым и безжизненным. Он был уже не тем человеком, которым некогда являлся, и практически не питал иллюзий относительно этого факта. За время пребывания за решеткой Эдриен потерял тридцать фунтов веса; мускулы стали крепкими и сухими, как старый канат. Он страдал здесь и, хотя ненавидел обычное арестантское нытье, – я этого не делал, я не виноват! – но мог ткнуть пальцем в других людей и сказать: «Этот шрам я заработал от него, а этот перелом – вон от этого». Естественно, ничего из этого не имело значения. Даже если б он заорал с высокой башни, что вот это сделал вон тот охранник, а вон

то – сам начальник тюрьмы, никто бы ему не поверил и даже не озаботился бы посмотреть в его сторону.

Слишком сильно ему досталось.

Слишком много лет во тьме.

– У тебя получится, – произнес старик.

– Меня не должны были выпустить. Только не так рано.

– И ты знаешь почему.

Пальцы Эдриена крепче стиснули металл. Тринадцать лет – это минимум за убийство двоих, но только при условии хорошего поведения, только если начальник тюрьмы захочет, чтобы это произошло.

– Они будут следить за мной. Ты знаешь это.

– Конечно же, будут. Мы уже про это говорили.

– Не знаю, смогу ли я это сделать.

– А я говорю, сможешь.

Голос старика прилетал из темноты, словно прикосновение. Эдриен прижался спиной все к тому же сырому металлу и подумал про человека, который столько лет делил с ним его жизнь. Эли Лоуренс обучил его всем тюремным правилам, объяснил, когда надо драться, а когда прогнуться, убедил, что даже самое плохое со временем подходит к концу. Что более важно, старик поддерживал в нем здравый рассудок. В эти вечные дни в вечной тьме голос Эли не позволял Эдриену развалиться на части. Вне зависимости от того, насколько одинок тот был и насколько истекал кровью. Да и сам Эли, казалось, тоже изменился, каким-то образом эволюционировал, чтобы соответствовать этой роли. После шести десятков лет за решеткой мир старика успел сузиться до точных размеров их камеры. Он больше никого не признавал; больше ни с кем не разговаривал. Они стали так крепко связаны – старик и молодой, – что Эдриен опасался: Эли просто исчезнет в тот самый момент, когда он выйдет из камеры.

– Хотел бы я забрать тебя с собой!

– Мы оба знаем, что я никогда не выйду отсюда живым.

Эли улыбнулся, словно то была шутка, но слова эти были столь же правдивы, как любая правда в тюрьме. Эли Лоуренс заработал пожизненное за убийство в ходе ограбления, в 1946 году, в одном из захолустных уголков Северной Каролины. Будь убитый белым, его повесили бы. Но вместо этого ему присудили три пожизненных срока, и Эдриен знал, что Эли никогда больше не вдохнуть воздуха воли. Уставившись во тьму, Эдриен так много хотел сказать старику... Хотел поблагодарить его, попросить прощения, растолковать, как много Эли для него значил все эти годы, объяснить, что сколько бы он уже ни вынес, но просто не знает, справится ли на воле без Эли, способного направить его. Он заговорил было, но тут же замолк, когда за тяжелой стальной дверью, мигая и пощелкивая, разгорелись лампы дневного света, а по тюремному блоку разнесся треск сигнального звонка.

– Уже идут, – произнес Эли.

– Я еще не готов.

– Да конечно же, готов.

– Только не без тебя, Эли. Только не один.

– Просто угомонись и дай мне рассказать кое-какие вещи, про которые люди склонны забывать, как только выходят отсюда.

– Да плевать мне на них!

– Я провел здесь всю свою жизнь, парень. Знаешь, сколько народу говорило мне то же самое? Мол, я справлюсь... Я знаю, что делаю...

– Я не хотел проявить неуважение.

– Конечно же, не хотел. А теперь сядь спокойно и послушай старика еще разок.

Эдриен кивнул, когда металл клацнул о металл. Он слышал далекие голоса, стук жестких башмаков по бетонному полу.

– Деньги абсолютно ничего не значат, – произнес Эли. – Понял, что я говорю? Я насмотрелся людей, которые оттянули здесь двадцать лет, а потом через шесть месяцев вернулись сюда из-за денег. Туда – и сразу сюда, словно ничему и не научились. Все это золото, все эти доллары и блестящие побрякушки не стоят ни твоей жизни, ни твоей радости, ни единого дня твоей свободы. Солнечный свет. Свежий воздух. Этого достаточно. – Эли кивнул в темноте. – А насчет того – помнишь, что я тебе говорил?

– Да.

– Водопад, развилка ручья?

– Помню.

– Я знаю, ты думаешь, что это место уже истощило тебя без остатка, что тебе нечего делать во внешнем мире, но шрамы и переломанные кости не имеют значения – равно как страх, темнота и воспоминания, ненависть и мечты о мести. Забудь про них. Про все забудь. Выходи отсюда и иди, не останавливаясь. Наплюй на этот город. Найди себе другой.

– А как же начальник тюрьмы? На него тоже наплевать?

– Если он придет за тобой?

– Если придет. Если не придет. Что мне делать, если я увижу его?

Это был опасный вопрос, и на миг показалось, что в тусклых глазах Эли вспыхнул красный огонек.

– Что я только что сказал о мести?

Эдриен стиснул зубы. Не требовались слова, чтобы выразить свою точку зрения.

«Начальник тюрьмы – совсем другое дело».

– Забудь про ненависть, парень. Слышишь меня? Ты выходишь рано. Может, тому есть какая-то причина, а может, и нет. Какая разница, если ты все равно исчезнешь? – Охранники были уже совсем близко, теперь уже оставались считанные секунды. Старик кивнул. – Что же до того, сколько тебе тут пришлось вынести, то все, что имеет значение, – это выживание. Понимаешь? Выживать – не грех. Повтори.

– Выживать – не грех.

– И не надо волноваться за меня.

– Эли...

– А теперь обними старика как следует и проваливай ко всем чертям!

Эли кивал, и Эдриен почувствовал, как у него перехватило в горле. Эли Лоуренс был больше отцом, чем другом, и когда Эдриен обхватил его обеими руками, тот показался ему таким легким и горячим, словно в пустотах его костей тлели раскаленные угли.

– Спасибо тебе, Эли!

– Выходи гордо, парень! Пусть увидят, какой ты прямой и высокий.

Эдриен отстранился, высматривая завершающий взгляд усталых и понимающих глаз старика. Но Эли растворился в полутьме, повернулся спиной и словно бы разом исчез.

– Ладно, иди уже.

– Эли?

– Все нормально, – проговорил старик, но лицо Эдриена было мокрым от слез.

* * *

Охранники выпустили Эдриена в коридор, но держались на расстоянии. Он был не очень крупный мужчина, однако даже до них доходили слухи о том, что ему довелось вынести и как он с этим справился. Цифры были неоспоримы: месяцев, проведенных в больнице, количества скобок и швов, оперативных вмешательств и сломанных костей. Даже начальник тюрьмы

уделил внимание Эдриену Уоллу, и это вызывало у охранников наибольшие опасения. Про начальника тоже ходили всякие слухи, но никто не пытался выяснить, насколько они правдивы. Он был единоличным хозяином тюрьмы и человеком совершенно безжалостным. Значит, лучше не высовываться и держать рот на замке. А потом, все эти слухи вполне могли оказаться неправдой. Так достойные охранники успокаивали себя.

Но далеко не все охранники были достойными людьми.

Входя в помещение для оформления документов, Эдриен увидел, что трое самых отъявленных мерзавцев стоят в углу с каменными лицами – люди со стеклянными пустыми глазами, которые даже сейчас заставили Эдриена замешкаться у порога. Их униформа была безупречно отутюжена и без единого пятнышка, ремни сверкали. Они выстроились вдоль стены, и их надменный вид ясно говорил: «Мы по-прежнему твои хозяева. В тюрьме. За ее пределами. Ничего не изменилось».

– На что уставился, заключенный?

Эдриен проигнорировал их и просто последовал знаку коротышки за прилавком, отгороженным стальной сеткой на металлических стойках.

– Раздевайтесь. – На прилавок водрузили картонную коробку, и из нее появилась одежда, которую никто не видел тринадцать лет. – Давайте.

Служитель бросил взгляд на троих охранников, а потом опять на Эдриена.

– Все нормально.

Эдриен стряхнул тюремные башмаки и стащил с себя оранжевый комбинезон.

– Господи... – При виде шрамов служитель даже побелел.

Эдриен вел себя так, будто все и впрямь нормально, но это было не так. Охранники, которые привели его сюда из камеры, вели себя тихо и спокойно, но эти трое отпускали шуточки насчет его скрюченных пальцев и безжизненной кожи, больше похожей на продранный кожзамениватель. Эдриен знал их всех по именам. Легко мог узнать их по голосам, знал, кто из них наиболее физически силен. Был прекрасно осведомлен, у какого самые садистские наклонности, а какой вечно улыбается, даже сейчас. Несмотря на все это, Эдриен держался прямо, спину не гнул. Выждал, пока не умолкли шепотки, а потом надел костюм и переключил внимание на другие вещи: на темное пятнышко на прилавке, на часы за металлической сеткой... Застегнул рубашку до самого воротника, повязал галстук, словно день сегодня был воскресный.

– Они ушли.

– Что?

– Эти трое. – Служитель махнул рукой. – Ушли.

Лицо у служителя было узкое, глаза необычно мягкие.

– Я что, отключился?

– Только на несколько секунд. – Служитель сконфуженно отвернулся. – Словно витали в облаках.

Эдриен многозначительно кашлянул, хотя и предполагал, что служитель сказал правду. Иногда все вокруг неожиданно темнело. Со временем происходило что-то странное.

– Прошу прощения.

– Ну что ж, давайте окончательно выпустим вас отсюда. – Служитель придвинул по гладкой поверхности прилавка лист бумаги. – Распишитесь.

Эдриен подмахнул подпись, даже не читая.

– И это тоже вам.

– Пятьдесят долларов?

– Подарок от штата.

Эдриен посмотрел на деньги, подумав: «Тринадцать лет, пятьдесят долларов...» Служитель придвинул к нему купюры, Эдриен сложил их, сунул в карман.

– А меня тут... меня тут, случайно, никто не ждет?

– Простите, но про это я просто не могу знать.

– А вы не в курсе, на чем отсюда можно выбраться?

– Вызов такси в тюрьму запрещен. Дальше по дороге есть таксофон, возле заведения Натана. Я-то думал, что все ваши ребята в курсе...

– Наши ребята?

– Бывшие заключенные.

Эдриен поразмыслил над этим. Охранник, который привел его из камеры, приглашающе махнул рукой в сторону пустого холла.

– Мистер Уолл.

Эдриен обернулся, не зная, как и воспринимать все эти странные слова.

«Мистер Уолл...»

«Бывший заключенный...»

Охранник поднял руку, указывая на уходящий влево коридор.

– Сюда.

Эдриен последовал за ним к двери, которая слегка приоткрылась, впуская яркий свет, и тут же распахнулась настежь. За ней по-прежнему возвышались ограды и сетчатые ворота, но его щеки обдувал теплый ветерок, и, подставив лицо солнцу, он попытался в точности определить, насколько оно отличается от того, что светило в тюремном дворе.

– Заключенный выходит. – Охранник отпустил тангенту рации и ткнул рукой туда, где уже откатывалась вбок на колесиках сетчатая створка. – Прямо вон в те ворота. Вторые не откроются до тех пор, пока не закроются первые.

– Моя жена...

– Понятия не имею про вашу жену.

Охранник подтолкнул его в спину, и Эдриен – прямо вот так – вдруг оказался на воле. Оглядел здание тюрьмы в поисках кабинета начальника и обнаружил нужные окна на третьем этаже восточной стены. На миг солнечный свет позолотил стекла, а потом на солнце скользнуло облако, и Эдриен увидел его там. Тот стоял так, как любил обычно стоять. Руки в карманах. Плечи расслаблены. На миг их взгляды схлестнулись – а с ними и достаточно ненависти, чтобы заполнить еще тринадцать лет жизни Эдриена. Он подумал, что те охранники там тоже появятся, но они так и не показались. Только он и начальник – под медленное тиканье десятка секунд, пока солнце не прорвалось сквозь облако и опять не отразилось в стекле.

«Выходи гордо, парень!»

Он услышал голос Эли так ясно и четко, словно тот стоял рядом.

«Пусть увидят, какой ты прямой и высокий».

Пройдя через парковку, Эдриен встал на обочине дороги и подумал, что, может, жена все-таки появится. Еще раз бросил взгляд на кабинет начальника, после чего проследил взглядом, как мимо пролетает автомобиль, потом другой. Переминался с ноги на ногу, пока солнце лезло по небу все выше, и первый час растянулся в три. К тому времени, как он двинул по дороге пешком, в горле пересохло, а на рубашке выступил пот. Придерживаясь обочины, вполглаза приглядывал за машинами, но в основном не сводил взгляда со скопления зданий, которые кучкой брошенных кубиков маячили в полумиле от дороги. Когда Эдриен до них добрался, было уже под сотню градусов⁸. Над асфальтом дрожало густое марево, в воздухе висела прозрачная белая пыль. По соседству с шеренгой складских боксов он увидел будку телефона-автомата, а чуть дальше – офис какой-то транспортной компании и бар под названием «У Натана». Все вроде было закрыто, кроме бара, в окне которого виднелась соответствующая вывеска, а прямо перед входом косо стоял ржавый пикап. Стиснув в упрятанном в карман кулаке тощую пачку купюр, Эдриен повернул дверную ручку и вошел в бар.

⁸ 100 градусов по Фаренгейту – плюс 38° Цельсия.

– О, свободный человек идет!

Голос был грубый и уверенный, тон насмешливый, но не обидный. Эдриен подошел ближе к стойке и перед выстроившимися в ряд бутылками и длинным зеркалом увидел мужчину лет шестидесяти с небольшим. Тот был высокий и широкоплечий, порядком тронутые сединой зачесанные назад волосы спадали за воротник кожаного жилета. Эдриен прохромал чуть ближе и слегка улыбнулся в ответ.

– Как вы догадались?

– Бледная физиономия. Мягкий костюм. Плюс я вижу с десяток ваших каждый год. Нужно такси?

– Не разменяете на мелочь?

Эдриен протянул купюру, но бармен лишь отмахнулся.

– Не заморачивайся с таксофоном. Они у меня в быстром наборе. Присядь, расслабься.

Эдриен присел на обитый кожзаменителем высокий табурет и посмотрел, как бармен тычет в кнопки.

– Здравствуйте, мне нужна машинка в бар «У Натана»... Да, который возле тюрьмы. – Он немного послушал, а потом прикрыл мобильник ладонью и обратился к Эдриену: – Куда?

Эдриен пожал плечами, поскольку и сам этого не знал.

– Просто пришлите машину. – Бармен нажал на «отбой» и опять оперся животом о стойку. Глаза под тяжелыми веками были серыми, усы желтовато-белыми. – Сколько отмотал?

– Тринадцать лет.

– Ого! – бармен протянул руку. – Натан Конрой. Это моя собственная лавочка.

– Эдриен Уолл.

– Ну что ж, Эдриен Уолл, – Натан наклонил бокал под краном, а потом двинул его по стойке, – будь здоров в первый день твоей остальной жизни!

Эдриен уставился на бокал с пивом. Такая простая вещь... Капельки влаги на стекле. Холодок, когда он коснулся его. На миг окружающий мир словно перекосялся. Как могут вещи так сильно и так быстро меняться? Рукопожатия, улыбки, холодное пиво... Он нашел свое лицо в зеркале и не мог отвести от него взгляд.

– Хреново, точно? – Натан оперся локтями на стойку, и на Эдриена повеяло запахом обветренной кожи жилета. – Смотреть, кто ты сейчас, и вспоминать, кем ты был...

– А вы тоже сидели?

– В лагере военнопленных во Вьетнаме. Четыре года.

Эдриен коснулся шрамов на лице и склонился ближе. Тюремные зеркала были из полированного металла и не особо показывали человеку его душу. Он повернул голову в одну сторону, потом в другую. Морщины оказались глубже, чем он думал, глаза шире и темнее.

– Это у всех так?

– Такие вот самокопания? Не. – Бармен покачал головой и плеснул в маленькую стопку коричневой жидкости. – Большинство просто хочет нажраться, перепихнуться с кем-нибудь по-быстрому и полезть в драку. Я видел почти всё.

Когда он махом опрокинул стопку и со стуком поставил ее на стойку, скрипнула дверь, и в зеркале вспыхнул свет.

– Хотя и не слишком часто.

Эдриен оторвал взгляд от зеркала как раз вовремя, чтобы увидеть, как дневной свет падает на какого-то тощего парнишку. Ему было лет тринадцать-четырнадцать, и одна рука его дрожала под тяжестью револьвера, зажатого в пальцах. Натан быстро сунул руку под стойку, но мальчишка тут же выпалил:

– Пожалуйста, не надо!

Натан опять положил руку на стойку, и все в нем стало серьезным, тихим и неподвижным.

– По-моему, ты ошибся адресом, сынок.

– Просто... Никому не двигаться!

Это был не очень крупный паренек, может, всего пяти с половиной футов⁹ ростом, тонкокостный, с нестриженными ногтями. Глаза – ярко-синие, а лицо настолько знакомое, что у Эдриена вдруг сдавило грудь.

«Не может быть, чтобы...»

Но это было так.

Тот же рот, те же волосы, те же узкие запястья и линия подбородка.

– О боже!

– Знаешь этого мальчишку? – спросил Натан.

– Думаю, что да.

Мальчишка был симпатичный, но какой-то потасканный. Может, пару лет назад его одежда и была ему впору, но теперь из-под брюк выглядывали грязные носки, и руки далеко торчали из обшлагов рубашки. Глаза широко открытые и испуганные. Револьвер у него в руке казался просто огромным.

– Не надо разговаривать про меня так, как будто меня тут нет!

Он шагнул внутрь, и дверь тут же захлопнулась у него за спиной. Эдриен соскользнул с табурета, держа на виду обе руки.

– Господи, до чего же ты на нее похож!

– Я сказал, не двигаться!

– Просто успокойся, Гидеон.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

Эдриен с трудом сглотнул. Он не видел мальчишку с тех самых пор, как тот был младенцем, но всегда узнал бы его черты.

– Ты очень похож на мать. Господи, даже голос...

– Не надо вести себя так, будто вы знаете мою мать! – Револьвер в руке паренька дрогнул.

Эдриен выставил перед собой руки с растопыренными пальцами.

– Она была замечательной женщиной, Гидеон. Я никогда бы ее не обидел.

– Я сказал – ни слова про нее!

– Я не убивал ее.

– Врете!

Револьвер трясся. Дважды щелкнул курок.

– Я знал твою мать, Гидеон. Я знал ее лучше, чем ты думаешь. Она была мягким и добрым человеком. Она не хотела бы этого, только не для тебя.

– Откуда вам знать, чего бы ей хотелось?

– Просто знаю.

– У меня нет выбора.

– Всегда есть выбор.

– Я дал обещание. Это то, что должен сделать мужчина. Любой вам скажет.

– Гидеон, прошу тебя...

Лицо парнишки напряглось, а револьвер задрожал еще сильнее, когда пальцы еще крепче стиснули рукоять. Мальчишеские глаза становились все светлее, словно разгорались, и какой-то миг Эдриен просто не знал, пугаться ему или печалиться.

– Умоляю тебя, Гидеон! Ей бы этого не хотелось. Только не между нами с тобой. Не таким вот образом!

Револьвер приподнялся еще на дюйм, и Эдриен сразу увидел все это в глазах мальчишки – и ненависть, и страх, и потерю. Помимо этого у него осталось время только для одной-единственной мысли, и это было имя матери мальчишки – Джулия, которое успело разок про-

⁹ Пять с половиной футов – 1 м 68 см.

мелькнуть в голове у Эдриена перед тем, как из-за барной стойки с громом полыхнуло огнем, и в груди парня со шлепком возникла красная дыра. Выстрел отбросил Гидеона на шаг назад, револьвер выпал у него из руки, по ткани рубашки стала расползаться кровь, густая, как нефть.

– О! – Это был возглас скорее удивления, чем боли. Рот приоткрылся, когда пацан отыскал глазами Эдриена, и ноги его тут же подкосились.

– Гидеон!

В три быстрых шага Эдриен пересек помещение бара. Ногой отбросил револьвер в сторону и упал на колени рядом с мальчишкой.

Кровь толчками выбивалась из раны. Вид у парня был ошеломленный, глаза пустые.

– Ш-ш-ш! Лежи спокойно. – Эдриен сорвал с себя пиджак, скомкал, прижал к ране. – Вызывайте «девять-один-один»!

– Я спас тебе жизнь, братан.

– Пожалуйста!

Натан опустил маленький серебристый пистолет и взял телефон.

– Помни об этом, когда приедут копы. – Набрал «911», он прижал трубку плечом к уху. – Я застрелил этого парня, чтобы спасти тебе жизнь.

4

Дом Элизабет всегда был для нее святилищем. Аккуратный и по-военному подтянутый, он занимал узенький участок в исторической части города – маленький особнячок в викторианском стиле под раскидистыми деревьями, благодаря которым лужайка всегда оставалась тенистой и зеленой. Жила Лиз одна, но дом был настолько прекрасным отражением того, что она любила в жизни, что ей никогда не было здесь одиноко. И вне зависимости от дела, которое она вела, или политики, или каких-то боевых потерь, шаг через входную дверь всегда позволял ей полностью отключиться от работы. Можно было разглядывать картины маслом на стенах, проводить пальцами по корешкам выстроившимся рядами книг или поделкам из резного дерева, который она собирала еще с тех пор, как была девчонкой... Этот дом зарекомендовал себя надежным убежищем. Это было непреложное правило, и до сегодняшнего дня оно исправно действовало каждый божий день ее взрослой жизни.

Теперь же дом казался лишь набором из дерева, стекла и камня.

Теперь это было просто место.

Подобные мысли не отпускали ее большую часть ночи – мысли о доме и ее собственной жизни, о двух мертвецах и подвале. К четырем часам утра мысли обратились исключительно к Ченнинг, и крутились они в основном вокруг того, что Элизабет сделала не так.

Она наделала так много ошибок...

Это была трудная правда, которая преследовала ее до тех пор, пока, наконец, уже на рассвете, Элизабет не провалилась в сон. Но тут ей стали сниться сны – она постоянно дергалась и проснулась с таким животным звуком в горле, который напугал ее саму.

«Пять дней...»

Она чуть ли не на ощупь добралась до раковины в ванной, поплескала водой на лицо.

«Черт!»

Когда кошмар отпустил, она уселась за стол в кухне и уставилась на канцелярскую папку коричневого картона – старую, зачитанную и достаточно опасную, чтобы Элизабет сразу же уволили, если бы просто нашли ее у нее дома. Вчера она провела с ней три часа – а за неделю до этого вдесятеро дольше. Папка попала к ней сразу после осуждения Эдриена Уолла. Если не считать газетных вырезок и фотографий, которые она собрала сама, это была точная копия дела об убийстве Джулии Стрэндж, хранившегося теперь в управлении окружного прокурора.

Перебрав папку снимков, она вытащила фотографию Эдриена. Он был в парадной форме, моложе, чем сейчас она. Симпатичный, подумала Элизабет, с той ясноглазой решимостью во взгляде, которую большинство копов через несколько лет безвозвратно теряют. На следующем снимке Эдриен был одет по гражданской, еще на одном – запечатлен на ступеньках здания суда. Она сама сделала этот снимок перед его судебным процессом – ей очень нравилось, как свет падает на его лицо. Выглядел он на нем примерно так, как она сейчас чувствовала себя сама – немного истощенным и немного измученным. Но все равно симпатичным и осанистым, подумала Элизабет, все тем же копом, которым она так восхищалась.

Пропустив газетные вырезки, Элизабет сразу перешла к фото со вскрытия Джулии Стрэндж – молодой женщины, чье убийство встряхнуло округ так, как не встряхивало его большинство других убийств. Молодая и элегантная при жизни, здесь она выглядела совсем по-другому; теперь ее красота была безжалостно смята обескровленным изломанным горлом и ярким светом морга. Но когда-то она была прекрасна и, вдобавок, достаточно сильна, чтобы попытаться дать напавшему на нее достойный отпор. Свидетельства тому были по всей кухне: сломанный стул и перевернутый стол, разлетевшиеся по полу осколки посуды... Элизабет перебрала фотографии, сделанные в кухне, но увидела то же самое, что уже видела не раз: шкафчики и кафельную плитку, детский манеж в углу, фотки на холодильнике...

Здесь были обычные для таких случаев рапорты, и она досконально знала, что в них написано. Результаты лабораторных исследований, отпечатки пальцев, анализы ДНК... Элизабет еще раз бегло перечитала семейную историю: молодые годы супруги в качестве фотомодели, рождение Гидеона, работа мужа. Идеальная семья практически во всем: молодые, симпатичные, не богатые, но вполне успешные. Опросы друзей семьи свидетельствовали, что Джулия была превосходной матерью; муж тоже посвящал ребенку достаточно много времени. В папке имелся всего лишь один протокол свидетельских показаний, и его она тоже успела перечитать как минимум сотню раз. Около трех часов дня пожилая соседка слышала звуки ссоры, но, поскольку, как инвалид, она была прикована к постели, ее показания не особо помогли восстановить хронологию событий.

Элизабет еще считалась салагой, когда произошло это убийство, – лишь четвертый месяц патрулировала улицы в полицейском мундире, – но это именно она обнаружила тело Джулии на алтаре церкви в семи милях от городской черты. То, что церковь была знакома Элизабет с детства, вызывало неуютное чувство, но существенным фактом больше ни в чем не являлось. Это было просто здание, в котором обнаружили труп, такое же место преступления, как и любое другое. Элизабет не могла знать, как эта находка скажется на ее собственной жизни. На ее родителей. На ее церкви. В тот день Лиз приехала повидаться со своей матерью и взамен обнаружила тело Джулии Стрэндж. Ту самым жестоким образом задушили, раздели, а потом уложили на алтарь и укрыли до подбородка белой холстиной. Никаких признаков сексуальных травм обнаружено не было, но частички кожи, найденные под ногтями, содержали ДНК Эдриена Уолла. В ходе дальнейшего расследования отпечатки пальцев Эдриена обнаружились на одном из разбитых стаканов в кухне, а еще – на пустой пивной банке, найденной в дорожном кювете неподалеку от церкви. Назначенный судом медицинский осмотр выявил несколько царапин у него на затылке. И стоило обвинителю установить тот факт, что Эдриен был знаком с потерпевшей, как дело быстро и жестко покатило к обвинительному приговору. У него не нашлось ни алиби, ни каких-либо объяснений. Даже его собственный напарник дал против него показания.

И лишь Элизабет сомневалась в его виновности, но ей только-только исполнился двадцать один год, и никто не воспринимал ее всерьез. Она попробовала вести собственное расследование, но получила строгое предупреждение. «Ты предубеждена, – объявили ей. – Ты заблуждаешься». Но вера Элизабет в Эдриена выходила далеко за границы таких вот простых объяснений. Когда она попыталась поговорить со свидетельницей во второй раз, ее отстранили. А в случае повторения пригрозили судебным преследованием за создание помех следствию. В итоге Элизабет пришлось сдаться. Она каждый день сидела в зале суда и старалась смотреть строго перед собой, когда выносили приговор. Никто не понимал, почему ее так заботит Эдриен Уолл, лишь она одна это понимала. Никто ничего не заметил, да и в принципе не сумел бы.

Даже сам Эдриен ничего не знал...

Элизабет посидела над папкой еще полчаса, а потом, услышав стук в дверь, направилась открывать и лишь на полпути сообразила, что так и сидела в одном нижнем белье. «Минутку! Уже иду». Проскользнув по узкому коридору, сдернула с обратной стороны двери шкафа халат и вернулась в гостиную, когда кто-то постучал уже в третий раз. Прижавшись к дверному глазку, увидела на крыльце жену Бекетта. Жизнерадостная, пухленькая, та смотрелась в маленькое зеркальце. Элизабет приоткрыла дверь.

– О, Кэрол, привет! Что ты тут делаешь?

Кэрол сверкнула белозубой улыбкой и потрясла в воздухе маленьким синим саквояжиком.

– Я пришла кое в чем подсобить.

– Что, прости?

– Мой супруг сказал, что тебе надо помочь с волосами? – Кэрол подняла голос на последнем слове, словно это был вопрос.

– С волосами?

Кэрол протолкалась внутрь и закрыла за собой дверь, пихнув ее крутым бедром. Одобрительно изучила обстановку, а потом переключила внимание на темные круги под глазами Элизабет, бледную, словно неживую кожу и холодную, тихую тоску во взоре.

– Гм, а насчет волос он не шутил...

Рука Элизабет неосознанно двинулась, провела тремя пальцами по торчащим вкривь и вкось вихрам.

– Послушай...

– Так ты что, не просила меня прийти?

– А он сказал, что просила?

– Послушай, прости. Похоже, ты меня не ждала.

Элизабет вздохнула. Кэрол – терпеливая душа, в жизни которой не было ни одного плохого дня.

– Да все нормуль. – Она улыбнулась и кивнула. – По-моему, мы оба хорошо знаем, что из себя представляет твой муженек.

– К каждой бочке затычка, храни его Господь...

– Тебе надо попробовать поработать с ним.

– Ясненько. – Кэрол поставила саквояж на пол, вдруг приняв жутко деловой вид. – Выходит, он ничего не спрашивал и не сказал тебе, что я приду...

Подбоченившись, она медленно обвела взглядом гостиную и кухню.

– Ясненько. – Во второй раз это прозвучало менее убедительно, но она все равно кивнула. – Ты – в душ. Мне – кофе, пока я жду, а когда что-нибудь наденешь, мы приведем твою башку в порядок.

– Послушай, совсем ни к чему...

– Лучше что-нибудь более консервативное.

– Что-что, прости?

– В смысле?

– Ты сказала, что мне нужно надеть что-нибудь консервативное?

– Да ну? – Рот у Кэрол сложился в виде буквы «о». – Господи, да нет же! – Она замахала руками. – Короткий халатик, длинные ноги... Хотя погоди. Нет. Я опять что-то не то несу.

Сделав глубокий вдох, она попыталась еще раз.

– Ты такая красивая, что тебе абсолютно все к лицу. Просто мы у себя дома одеваемся несколько более скромно. Пожалуйста, прости. Я честно не могу поверить, что сказала такое. Я тут у тебя дома, незваная...

Элизабет остановила ее взмахом руки.

– Все о'кей.

– Точно? Жутко не хотелось бы, чтобы ты подумала, будто я такая ханжа... Вообще-то это не мое дело.

– Просто дай мне несколько минуточек. Принять душ. Выпить еще чашечку кофе.

Кэрол слабо улыбнулась.

– Если ты не против.

– Пять минут.

В ванной Элизабет встала перед зеркалом и сделала несколько глубоких вдохов. Улыбка медленно сползла с лица. Послушала, как хлопают дверцы кухонных шкафчиков и гремит посуда, а потом оперлась обеими руками о край раковины и внимательно изучила свое отражение. Дайер был прав насчет веса. При росте пять футов и восемь дюймов ее крепких, без капли жира мышц вполне хватало, чтобы успешно справиться с любой рабочей проблемой. Хоро-

шие плечи. Сильные руки. Но теперь вид у нее был совершенно истощенный, щеки ввалились, глаза стали больше и глубже, а радужки приобрели бледно-зеленый оттенок. Стащив халат, Элизабет попыталась взглянуть на себя глазами кого-нибудь вроде Кэрол Бекетт. Короткие каштановые волосы, маленький нос, узкий подбородок. Кожа бледная, но чистая, лицо пропорциональное со всех точек зрения. Элизабет сознавала свою привлекательность, но живот косо пересекал шрам, где какой-то торчок хватанул ее ножом от ребра до самого бедренного сустава, а на плече, которым она как-то крепко приложилась о твердый бетон, заплатой красовалось бесформенное бесцветное пятно. Мужчинам она вроде бы нравилась, но по большому счету и не пыталась себя обмануть. Перелом руки и четырех ребер, кожа рассажена о проводочные ограды, и дважды ее выбрасывали из двух разных окон. «Тринадцать лет на полицейской службе, – подумала она, – и что я теперь собой представляю?» Вопрос был непростой. За плечами у нее было уже пять попыток завязать серьезные отношения, но все они заводили в тупик. Она, дочь священника и студент-недоучка, пьющая, курящая перезрелая дама и опустившийся коп. В отношении ее проводится расследование по поводу смерти двух человек, а она не чувствует ни малейших угрызений совести. Изменила ли она что-нибудь, если б смогла?

«Наверное», – подумала Элизабет.

«Хотя, скорее всего, нет».

Всему были причины. Почему она ненавидела своего отца? Почему стала копом, и почему не складывались отношения с мужчинами? То же самое она могла сказать про подвал, ту стрельбу и Эдриена Уолла. Последствия, конечно, имеют значение, но причины не менее важны.

А бывает, что причины важнее.

Наконец она вышла из ванной, чистая, влажная и одетая настолько консервативно, как только было можно – что означало для нее джинсы, сапоги и льняную блузку. Хотя, может, джинсы и сидели слишком низко на бедрах, а блузка больше походила на мужскую рубашку на вкус кого-нибудь вроде Кэрол. Элизабет постаралась придать себе беззаботный вид.

– Так лучше?

– Намного!

Заметив на кофейном столике папку с делом об убийстве Джулии Стрэндж, Элизабет быстро схватила ее в охапку.

– А у тебя сегодня разве не свадьба или что-то в этом роде?

– Ох ты моя сладенькая! Не прямо через час, и даже близко не на час работы.

– Точно?

В голосе Элизабет прозвучала надежда, но Кэрол уже вытащила на середину кухни стул и многозначительно по нему похлопывала. Так что Лиз покорно уселась и позволила постричь, поппикать спреем и уложить свои волосы. По ходу дела они болтали обо всякой ерунде, но в основном про супруга Кэрол.

– Ему нравится быть твоим напарником. – Отступив, Кэрол поправила что-то щеткой. – Он говорит, что наблюдать за твоей работой – одно удовольствие.

– Э-э, ну...

– А про меня он говорит? Когда вы вместе в машине, в смысле, или работаете над делом? Рассказывает про меня или про детей?

– Каждый божий день, – ответила Элизабет. – В своем обычном стиле – с шуточками и прибаутками, но даже слепому ясно, *что* он чувствует. Гордится детишками. Любит жену. Вы двое даете мне надежду.

Кэрол расцвела, щетка заработала немного энергичней.

– Скоро уже?

Она вручила Элизабет маленькое зеркальце.

– Вот, взгляни.

Каштановые волосы были пострижены в каре и гладко уложены. На вкус Элизабет – много лака, слишком уж пафосно. Она отдала зеркальце и поднялась.

– Спасибо тебе, Кэрол!

– Сделала, что смогла.

Кэрол похлопала по своему синему саквояжику и почти успела спуститься вниз по ступенькам, когда зазвонил ее мобильник.

– О! Не поддержишь? – Она сунула чемоданчик Элизабет и вытащила из нагрудного кармана телефон. Все еще стоя на крыльце, произнесла: – Алло! – Пауза. – О, привет, сладенький... Что?.. Да, уже. – Бросила взгляд на Элизабет. – Конечно. Да. Мы у нее дома.

Прижав телефон к груди, Кэрол обратилась к Элизабет.

– Чарли. Хочет с тобой поговорить.

Она протянула ей телефон, и Элизабет посмотрела на улицу, скрывающуюся за широким, густо напудренным лицом Кэрол.

– Ну что еще, Бекетт?

– У тебя на домашнем постоянно короткие гудки – наверное, трубка снята.

– Я знаю.

– Мобильник тоже выключен.

– Никого особо не хочу слышать. Что происходит?

– Возле тюрьмы подстрелили одного мальчика.

– Жаль это слышать. А как это касается меня?

– Потому что пятьдесят на пятьдесят его подстрелил Эдриен Уолл.

Элизабет почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Захотелось присесть, но Кэрол не сводила взгляда с ее лица.

– Больше того, – продолжал Бекетт.

– Что?

– Мальчишка, в которого стреляли, – это Гидеон Стрэндж. Послушай, мне очень жаль, что именно мне...

– Погоди. Остановись.

Элизабет терла глаза, пока перед ними не расплылась красная муть с белыми искорками. Быстро мысленно пробежалась по всем фотографиям вскрытия из дела об убийстве Джулии Стрэндж, а потом вспомнила, что из себя представлял Гидеон в тот день, когда пропала его мать. Ясно и в подробностях увидела перед собой комнату мальчика, мебель и краску на стенах, детективов и экспертов-криминалистов, которые тянулись из кухни, словно дым. Припомнила Эдриена Уолла – белого, как простыня, – и чувство горячего, извивающегося тела мальчика, когда он вопил у нее на руках, а другие копы пытались успокоить его отца, рыдающего с дикими глазами и едва не бьющегося в истерике.

– Он жив?

– В больнице, – сказал Бекетт. – Больше ничего не знаю. К сожалению. Но пуля в нем.

У Элизабет кружилась голова, солнце казалось слишком ярким.

– Где?

– В верхней правой части груди.

– Нет, Бекетт. Где это произошло?

– У Натана. В байкерском баре.

– Буду там через десять минут.

– Нет, тебе нельзя там и близко показываться! Дайер особо на это указал. Он не хочет, чтобы ты оказалась рядом с Эдриеном Уоллом или с этим делом. Вполне очевидно, я согласен.

– Тогда зачем ты звонишь?

– Потому что я знаю, как ты любишь этого мальчишку. Вот и подумал, что тебе захочется поехать в больницу, побыть с ним...

– В больнице от меня не будет никакого толку.

– Здесь тоже.

– Бекетт...

– Он тебе не сын, Лиз. – Она застыла, до боли прижав телефон к уху. – Ты – просто коп, который нашел его мать убитой.

Это была тяжелая правда, но кто еще был ближе к мальчику? Его отец? Социальные службы? Элизабет первой оказалась на месте, когда пропала мать Гидеона. Все могло на этом и закончиться, но она еще и нашла безжизненное тело Джулии Стрэндж на алтаре церкви собственного отца, тело столь беззащитное в учиненном над ним поругании, что юная Лиз едва не разрыдалась в голос. Они ни разу не встречались – и все же Элизабет даже сейчас ощущала с Джулией некое родство, ниточку, которая плелась все эти тринадцать лет, и нашла воплощение в маленьком мальчике, оставшемся жить. Мужчине вроде Бекетта никогда этого не понять. Ему это просто не под силу.

– Двигай в больницу, – сказал он. – Там и встретимся, чуть попозже.

Бекетт повесил трубку, и Элизабет отдала мобильник обратно Кэрол. Та попрощалась, но слова прощания едва отложились в голове. Мелькнуло размытое лицо, кашлянул запускаемый мотор, и автомобиль разноцветной кистью мазнул по дороге. Когда он скрылся из виду, Элизабет поплелась в ванную, опустив взгляд, словно для того, чтобы ни в коем случае не увидеть своего лица в зеркале, и над раковиной промыла голову от лака. Она вся словно занемела, образы Гидеона в голове сменяли друг друга – вначале младенца, а потом и мальчика. Она думала, что знает про него всё – все его желания, нужды и тайные обиды.

«Что он делал возле тюрьмы?»

Элизабет сама испугалась этого вопроса, поскольку в глубине души знала ответ.

Усевшись на диван, она открыла папку с делом и вытащила фотографию, снятую кем-то из криминалистов менее чем через час после того, как объявили об исчезновении Джулии Стрэндж. На снимке Элизабет, одетая в полицейскую форму, стояла с краснолицым младенцем на руках. Кухня у нее за спиной пребывала в полном беспорядке. Гидеон захватил ткань ее рубашки в крохотный кулачок. Поскольку она была салагой и единственной женщиной в доме, ей поручили заняться малышом до прибытия социальных работников. Тогда Элизабет и понятия не имела, как реагировать на такую нужду и беспомощность. Она сама была практически ребенком. Да и до сих пор не знала, как на такое полагается реагировать.

Элизабет откинулась на спинку дивана, вспоминая все те дни и месяцы, которые провела с этим мальчишкой за годы, следовавшие за смертью его матери. Она знала его учителей, его отца, друзей, которых он завел в школе. Он звонил ей, когда был голоден или когда ему было страшно. Иногда приходил к ней домой, чтобы сделать домашнее задание, поговорить или просто посидеть на крыльце. Для него этот старый дом тоже был святилищем.

«Гидеон...»

Палец коснулся лица на фотографии, а когда из глаз покатались слезы, она позволила им беспрепятственно бежать по щекам.

«Почему ты просто не поговорил со мной?»

Но он все-таки пытался, припомнила она; однажды звонил аж три раза, потом еще, а потом пропал. Она ведь знала, что Эдриен выходит из тюрьмы и что Гидеону тоже про это известно. Ей следовало предвидеть, как он отреагирует, понимать, что он способен на какую-нибудь глупость. Он ведь всегда был такой чувствительный, так погружен в свои мысли...

«Мне надо было это предвидеть!»

Но она навещала Ченнинг в больнице, потом общалась с полицией штата и бездумно шаталась по залам своего собственного ада. Ни черта вокруг себя не видела. Даже ни разу и не подумала про него.

«Бедный малыш...»

В ту минуту она позволила себе отпустить тормоза, ощутить всю вину материнской любви, хотя не была на самом деле матерью; потом отложила папку, засунула за ремень пистолет и поехала в тот шлакоблочный бар, что пристроился в тени тюремных стен.

5

На Мейн-стрит Элизабет превысила ограничение скорости ровно вдвое. Мимо проносились размытые тротуары и узенькие улочки с чугунными оградами и зданиями из красного кирпича, настолько выветренного, что они напоминали куски оранжевой глины. Миновала библиотеку, башню с часами, старую тюрьму, построенную еще в 1712 году, во внутреннем дворике которой до сих стояли деревянные кóзлы с колодками для телесных наказаний. Через шесть минут под визг резины она уже слетала с развязки к северу на широкую автостраду мимо последних остатков города – несколько возвышающихся вдаль и слева от нее зданий скрылись за горизонтом так быстро, словно их всосало в землю. Дальше потянулись лишь деревья, холмы да извилистые грунтовые дорожки.

«Если Гидеон умер...» – подумала Элизабет.

«Если Эдриен каким-то образом его убил...»

Эти «если» вызывали ужас, поскольку оба были важны. Мужчина. Мальчик.

«Нет, – сказала она себе. – Только Гидеон. Только мальчик.»

Но простая правда далеко не всегда так проста. Элизабет тринадцать лет пыталась забыть, что некогда значил для нее Эдриен. Они никогда не были вместе, повторяла она себе. Это не были *отношения*. И все из этого было правдой.

Тогда почему же она видит его лицо, сидя за рулем?

Почему она сейчас не в больнице?

Вопросы возникали, ни имея легких ответов, так что она сосредоточилась на управлении машиной, когда дорога упала в узкую ложбину и пересекла реку, а тюрьма сжатым кулаком показалась вдаль. Элизабет не сводила глаз с тесного скопления низеньких зданий, которые плавали в жарком мареве в двух милях впереди. Перед песочного цвета зданиями стояли автомобили. Она увидела крутящиеся синие мигалки, красные проблески там, где задержалась одна из «скорых». Бекетт быстро подошел к машине, едва она остановилась. Вид у него был крайне недовольный.

– Тебе вроде полагалось быть в больнице.

– Почему? Потому что это ты так сказал? – Элизабет похлопала по мясистой ручище, проходя мимо него. – Мог бы и сам догадаться.

Он пристроился за ней. Бар оставался ярдах в тридцати впереди, копы толпились у входа. Элизабет обвела взглядом полицейские машины.

– Что-то не вижу Дайера. Слишком боится засветить здесь свою физиономию?

– Сама-то как думаешь?

Элизабет вообще не надо было думать. На процессе Эдриена она сидела посреди первого ряда и помнила все показания Фрэнсиса Дайера чуть ли не дословно.

«Да, мой напарник знал потерпевшую. Ее муж был тайным информатором».

«Да, в прошлом они оказывались наедине».

«Да, Эдриен раз обмолвился, насколько привлекательной ее находит».

Обвинителю понадобилось всего десять минут, чтобы установить эти простые истины, после чего он за какие-то секунды загнал в гроб Эдриена последний гвоздь.

«Расскажите, что говорил мистер Уолл, ссылаясь на физическую привлекательность потерпевшей?»

«Он думал, что она слишком хороша для человека, с которым живет».

«Вы имеете в виду Роберта Стрэнджа, супруга потерпевшей?»

«Да».

«Делал ли подсудимый какие-либо более конкретные замечания относительно внешности потерпевшей?»

«Не совсем понимаю, что вы имеете в виду».

«Делал ли подсудимый, ваш напарник, какие-либо более конкретные замечания относительно внешности потерпевшей? В частности, упоминал ли он, что сам находит ее привлекательной?»

«Он говорил, что у нее лицо, способное довести хорошего человека до нехороших крайностей».

«Простите, детектив. Вас не затруднит повторить?»

«Он говорил, что у нее лицо, способное довести хорошего человека до нехороших крайностей. Но я не думаю...»

«Благодарю вас, детектив. На этом всё».

И это было действительно всё. Обвинитель использовал показания Дайера, чтобы нарисовать картину страсти, отвергнутой любви и отплаты. Эдриен Уолл знал жертву. Знал ее дом, привычки, распорядок дня ее мужа. Выполняя свои профессиональные обязанности, попал под влияние чар красавицы-жены тайного информатора. А когда она отвергла его, похитил и убил ее. Его отпечатки пальцев нашли в ее доме и на месте преступления. Частички его кожи обнаружили у нее под ногтями. У него была расцарапана шея.

«Мотив!» – объявил обвинитель.

«Самый древний, самый прискорбный».

Все могло так и пройти. Убийство первой степени. От двадцати пяти до пожизненного. Присяжные три дня заседали перед тем, как вынести более мягкий вердикт – убийство второй степени, без отягчающих обстоятельств и предварительного умысла. Копам не полагается общаться с присяжными после вынесения приговора, но Элизабет все равно это сделала. Те были искренне убеждены, что это «преступление страсти», совершенное без заранее обдуманного намерения. Они считали, что он убил ее в доме, а потом отвез в церковь в качестве некоего извращенного покаяния. Зачем еще тогда белая холстина и аккуратно расчесанные волосы, место под золотым крестом? Присяжный номер двенадцать счел это пусть и странным, но трогательным обстоятельством, в итоге и вердикт. Убийство второй степени. Тринадцать лет минимум.

– Где он?

– В третьей машине, – Бекетт ткнул рукой.

На заднем сиденье патрульного автомобиля с мигалками Элизабет углядела смутные очертания человека. Видно было немного, но силуэт вроде был тот, и тот же наклон головы. Насколько она могла судить, он наблюдал за ней.

– Иди, чего останавливаешься?

– Я не останавливаюсь, – сказала Элизабет, но это было не так. Стоило только заговорить, как ноги сами собой начинали замедлять шаг. Она изо всех сил старалась делать вид, будто в машине не Эдриен, что он нисколько не изменил ее жизнь, – что, может, она вовсе никогда и не любила его.

– Ну давай же, Лиз. – Взяв ее за руку, Бекетт привел ее в движение. – А вот там, в другой машине, Натан Конрой. – Он указал рукой. – Бывший военный, бывший байкер. Это его бар. Он говорит, что стрелял в парнишку в качестве самообороны, что вполне может оказаться правдой. Когда сюда приехали патрульные, то нашли на стойке его пистолет – «Вальтер» тридцать второго калибра с одним израсходованным патроном. Серийный номер спилен, так что мы забираем его за незаконное хранение. Что же до его заверений насчет самообороны, то на полу рядом с Гидеоном лежал «Кольт Кобра» тридцать восьмого калибра. Заряженный, но из него не стреляли. Если учесть, какой сегодня день, я поставил бы на то, что парень явился со стволом мстить.

– Ему всего лишь четырнадцать.

– Четырнадцать, без матери и с вечно бухим отцом.

– Господи, Чарли...
– Просто реально смотрю на вещи.
– Револьвер зарегистрирован?
– Послушай, тебе даже не полагается просто находиться здесь!
– Ну да, ну да... «Сиди себе в больнице, не лезь в мои дела...» Знаешь ли, со мной такие штучки не проходят.

Когда Элизабет приблизилась к бару, ее взгляд зацепился за знакомого детектива и кровавое пятно возле открытой двери. Бекетт ухватил было ее за рукав, но она вырвала руку и обратилась к детективу, спокойной женщине с тихим голосом по имени Си-Джей Саймондс:

– Привет, Си-Джей! Как дела?
– Привет, Лиз. Очень обо всем этом сожалею. Говорят, ты знала мальчишку...

Си-Джей указала в полутьму бара, где, похоже, собрались поглазеть на происходящее чуть ли не все съехавшиеся на место происшествия копы. Элизабет кивнула, но больше не произнесла ни слова, поджав губы. Вошла внутрь, постаравшись подальше обойти заляпанный кровью пол у входа. Укрывшись от жары, поняла, что бар представляет собой узкое помещение, пропахшее хлоркой и пролитым пивом. Несколько патрульных в форме изображали бурную деятельность, но глазами следили за ней, когда она обходила помещение, избегая крови на полу и легонько касаясь то стула, то стойки. Да, она была копом, но газеты ополчились против нее, а значит, вскоре их примеру последует и половина города. Полиция штата хотела привлечь ее за двойное убийство, и каждый коп в помещении знал, что ей опасно здесь находиться. Она была связана с мальчишкой и Эдриеном Уоллом. У нее не было ни значка, ни полномочий, и, хотя никто не сказал ни слова, куча народу погорит, если мальчишка умрет или без предупреждения нагрянут журналисты. Элизабет пыталась игнорировать всеобщее внимание, но находила пристальные взгляды настолько несправедливыми и гнетущими, что рывкнула:

– Ну что?
Никто не ответил. Однако никто и не отвернулся.
– Поспокойней, Лиз, – шепнул Бекетт.

Но это были те же самые взгляды, которые она получала от прессы, своих соседей и просто прохожих на улице. Заголовки заголовками, но с копами все должно было быть совершенно по-иному. Они понимали опасности этой работы, знали, что такое чувство темных мест, однако никакого родства она не ощущала.

Взгляд одного из патрульных был особенно пристальным, плюс постоянно перемещался с ее груди на лицо и обратно. Как будто она и не коп, как будто так и надо.

– У вас есть какая-то причина находиться здесь? – спросила Элизабет. Патрульный перевел взгляд на Бекетта. – Не смотрите на него, смотрите на меня!

Патрульный был дюймов на восемь повыше, фунтов на девяносто потяжелее¹⁰.
– Я просто выполняю свою работу.
– Ладно, тогда выполняйте ее снаружи.

Он опять посмотрел на Бекетта, и Элизабет добавила:

– Он подтвердит, что это так.
– Да, это так. – Бекетт махнул рукой на открытую дверь. – Все на улицу. Все, кроме Си-Джей.

Все потянулись к выходу. Здоровенный патрульный дождался последнего и задел Элизабет плечом, проходя мимо. Соприкосновение было мимолетным, но она как следует его почувствовала – здоровяк, использующий свои габариты. Она посмотрела ему вслед.

Бекетт взял ее за локоть.
– Никто тебя не осуждает, Лиз.

¹⁰ Восемь дюймов и сорок фунтов – 20 см и 40 кг соответственно.

– Не прикасайся ко мне! – Глаза ее стали стеклянными, а кожа – скользкой от внезапного пота. У патрульного были темные волосы, подбритые на висках и на затылке. На руках курчавились жесткие, как проволока, черные волоски.

– Эй, это всего лишь я, – произнес Бекетт.

– Я сказала – не прикасайся ко мне! Я не хочу, чтобы ко мне вообще хоть кто-нибудь прикасался.

– Да никто к тебе не прикасается, Лиз.

Снаружи тот патрульный обернулся на нее, а потом наклонился к приятелю и что-то шепнул тому на ухо. Шея у него была толстая, глаза темные, глубокие и презрительные.

– Лиз!

Она уставилась на его руки, на грубую кожу и квадратные ногти.

– У тебя кровь идет, – сказал Бекетт. Элизабет пропустила его слова мимо ушей – обстановка вокруг вдруг начала тускнеть.

– Лиз!

– Что? – она вздрогнула.

Он указал рукой.

– У тебя кровь на губе.

Элизабет коснулась пальцем уголка рта и отняла его красным. А когда опять посмотрела на патрульного, вид у того, похоже, был уже обеспокоенный и сконфуженный. Она дважды моргнула и поняла, насколько он молод. Может, лет двадцати от силы.

– Прости, – произнесла она. – По-моему, мне что-то показалось.

Бекетт потянулся было к ней, но остановился. Си-Джей тоже не сводила с нее глаз, однако Элизабет была не в настроении встречать обеспокоенные взгляды и сочувствие от других. Бросив последний взгляд на патрульного, она вытерла измазанный кровью палец о штаны.

– Что говорит Эдриен?

– Он не станет с нами разговаривать.

– А со мной, может, и поговорит.

– С какой это стати?

– Из всех копов, которые знали Эдриена Уолла, кто никогда не обвинял его в убийстве ни в чем не повинной женщины?

Она быстро отошла от барной стойки. Бекетт перехватил ее на полпути к машине.

– Послушай, я знаю, какие чувства у тебя были к этому парню...

– Нет у меня никаких чувств!

– Я не говорил, что есть. Я сказал «были».

– Ладно. Хорошо. – Она попыталась выкрутиться из своей оговорки. – У меня *не было* никаких чувств.

Бекетт нахмурился, поскольку распознал ложь. Неважно, что Элизабет сейчас сказала, – ее чувства к Эдриену были очевидны для любого, кто удосужился бы открыть глаза. Она была молодой и азартной, а Эдриен среди копов был кем-то вроде рок-звезды – не просто талантливой, но и телегеничной. Ему доставались самые громкие дела, он производил самые громкие аресты. По этой причине журналисты в городе просто выстраивались в очередь, чтобы сделать из него героя. Новички любили это в нем. Многих копов постарше это возмущало. С Элизабет, правда, все зашло глубже, и Бекетт присутствовал при сем, чтобы это засвидетельствовать.

– Послушай. – Схватив ее за руку, он остановил ее. – Давай назовем это просто дружбой, о'кей? Никаких осуждений. Никакого грузилова. Но ты была ближе к Эдриену, чем к большинству остальных. Он что-то для тебя значил, и это нормально. Медали, симпатичная физиономия, неважно... Но он отсидел тринадцать лет в самой строгой тюрьме штата. *Кон* за решеткой, ты понимаешь? Вне зависимости от того, убил он Джулию Стрэндж или нет – а если честно, я уверен, что убил, – это не тот человек, которого ты помнишь. Спроси любого копа, который

был поблизости несколько лет, и ты услышишь ровно то же самое. Неважно, даже если он и был хорошим человеком в какие-то давние времена. Тюрьма ломает людей и делает из них что-то совершенно другое. Просто загляни в лицо этого несчастного поганца.

– В его лицо?

– Я к тому, что он зэк, а зэки – обычно ловкие манипуляторы, мастера играть на людских слабостях. Он попытается использовать твоё отношение, какие бы чувства к нему ты сейчас ни испытывала.

– Прошло тринадцать лет, Чарли. Даже тогда он был просто другом.

Элизабет начала было поворачиваться, но Бекетт опять ее остановил. Она посмотрела на его руку у себя на рукаве, потом ему в глаза, которые словно подернулись печальной дымкой под тяжелыми веками. Он тщетно пытался подобрать нужные слова, а когда заговорил, голос его казался таким же грустным, как взгляд.

– Будь осторожней с любой дружбой, – произнес он. – Не за всякую дружбу не надо платить.

Элизабет многозначительно смотрела на его руку до тех пор, пока он ее не убрал.

– Третья машина? – уточнила она.

– Угу. – Бекетт кивнул и отступил в сторону. – Третья.

* * *

Она легкой походкой двинулась прочь, и Бекетт посмотрел ей вслед. Длинные ноги. Энергия и напор. Держалась Элизабет отлично, но это его не обманывало. Она глубоко погрузилась в культ Эдриена Уолла. Бекетт припомнил, какой она была на суде, как просиживала день за днем в зале, словно на скамейке запасных, с прямой спиной, бледная и полностью убежденная в невиновности Эдриена. Это держало ее особняком от любого другого копа в управлении. От Дайера. От Бекетта. Даже от других таких же салаг, как она. Элизабет была единственной, кто верил, и Эдриен об этом знал. Выискивал ее взглядом в суде первым делом с самого утра, а потом после обеденного перерыва и под конец дня. Крутился на своем стуле, ища ее взгляд; и Бекетт – не раз и не два – видел, как этот поганец улыбается. Никто не праздновал победу, когда объявили приговор, но было трудно отрицать почти всеобщее чувство мрачного удовлетворения. Убив Джулию Стрэндж, он положил черный глаз на каждого копа, которому не все равно, что хорошо, а что плохо. Кроме того, пресса буквально сорвалась с цепи.

«Коп-герой убивает молодую мать...»

А потом еще и этот Гидеон Стрэндж, мальчишка... По какой-то причине Элизабет привязалась и к нему тоже. Она держала его на руках на похоронах, пока его отец заливался слезами, и даже потом была замешана в жизни мальчишки на просто-таки фундаментальном уровне. Заботилась о нем, даже любила его. Бекетт никогда не понимал, по какой причине, но, зная глубину ее привязанности, терялся в догадках, как ей удастся увязать все это воедино.

– Сэр? – это Си-Джей Саймондс решила робко перебить его мысли.

– Да, Си-Джей. Что такое?

Она вытянула руку, и Бекетт посмотрел мимо бара на темную машину на краю дороги и группу людей вокруг нее.

– Там начальник тюрьмы...

– Да, – перебил ее Бекетт. – Сам вижу.

Начальник был в костюме, а охранники вокруг в такой отутюженной униформе, что «стрелками» от утюга можно было резать бумагу. Бекетт ткнул рукой в сторону патрульной машины.

– Проследи за Лиз. Убедись, что с ней все в порядке.

– Сэр?

– Просто... присмотри за ней.

Бекетт пересек парковку, ощущая жар под подошвами и жар первой эмоции в груди. Начальника тюрьмы он знал уже давно, но отношения у них были сложные. Остановившись у машины, он ошутил на себе взгляд тюремщика.

– Детектив! – Начальник на жаре обливался потом, улыбка его сияла явно с несообразной случаю яркостью.

Не обращая внимания на охранников, Бекетт тихонько проговорил:

– Какого хрена ты тут делаешь?

* * *

Патрульный автомобиль с потушенными мигалками пристроился в тени на задах парковки. Уткнув подбородок в грудь и стреляя взглядом по сторонам, Элизабет обошла широкий капот и приблизилась к задней двери. Поначалу она увидела только макушку Эдриена – он смотрел куда-то вниз, настолько мертвенно неподвижный, что у нее возникла дикая мысль, что он действительно мертв, что испустил дух прямо здесь, в одиночестве, на заднем сиденье машины. Но тут он показал изрезанное шрамами лицо и глаза, которые совершенно не изменились. И на какую-то секунду весь окружающий мир съехал до размеров черной дыры, которая напрочь поглотила все годы ее взрослой жизни. Она сразу припомнила, как он спас ей жизнь, сам того не подозревая и так об этом и не узнав, его мягкую доброжелательность, когда он остановился одним промозглым вечером спросить ее, всё ли с ней в порядке. В ту секунду Элизабет снова было семнадцать, и она вновь оказалась на самом краю двухсотфутного обрыва¹¹ – ребенок, набирающийся храбрости, чтобы сделать еще один шаг.

«У вас все нормально, мисс?»

Широкие плечи, значок на ремне сверкает золотом. Она не слышала его, не видела его.

«Я просто...» На ней были высокие ботинки на шнуровке, по голой коже хлопало простенькое платьишко из секунд-хэнда. Взгляд нацелился на тридцать акров черной воды, заполнившей карьер внизу. «Я просто считаю».

Прозвучало донельзя глупо, но он вел себя, будто это было не так.

«Что считаете?»

«Сколько секунд я буду падать», – подумала она, но ничего не произнесла.

«У вас точно всё в порядке?»

Она уставилась на значок у него на ремне и не смогла отвести взгляд. Пальцы его, просунутые за ремень, были совершенно неподвижны.

«А что, ваши родители где-то тут?»

«Вон на той тропинке», – соврала она.

«Как вас зовут?»

Прерывающимся голосом Элизабет назвалась, и он внимательно изучил начало тропинки на краю леса. Было уже поздно, холодно, почти стемнело. Вода под ними казалась твердой, как металл.

«Родители обычно волнуются за детей в таких местах, особенно когда начинает темнеть».

Он обвел рукой вершину горы, карьер внизу. Она посмотрела на засасывающую черноту всей этой раскинувшейся внизу воды, а потом на каменистую полоску у себя под ногами. Его лицо, когда она наконец подняла к нему взгляд, было прекрасным.

«Они точно вас ждут?»

«Да, сэр».

«Тогда что же вы стоите?»

¹¹ Двести футов – 61 м.

Он в последний раз улыбнулся, и на холодных, слабых и дрожащих ногах она стала удаляться. Он не пошел за ней, но продолжал смотреть ей вслед, когда она оглянулась, – его глаза уже почти потерялись в быстро тускнеющем свете. Элизабет выждала, пока не оказалась в окружении деревьев, а потом побежала так, как никогда раньше не бегала. Бежала до тех пор, пока все тело не стало гореть огнем, а в легких не кончился воздух, а потом свернулась калачиком на сухих листьях, теряясь в догадках, уж не прислал ли этого полисмена Господь, чтобы отвлечь ее от того, что она намеревалась сделать. Ее отец сказал бы, что да, именно так, ведь Господь абсолютно во всем вокруг нас, – но Господу больше нельзя доверять. Ни Господу, ни отцу, ни мальчишкам, которые говорят: «Доверься мне». Вот о чем она думала, лежа на листьях и дрожа: что мир, конечно, плох, но все-таки не весь мир целиком. Что, может, стоит попробовать прожить еще один день. Что, пожалуй, она сумеет...

Элизабет больше не верила в Бога, но, глядя на Эдриена сквозь боковое стекло патрульной машины, подумала, что рок и судьба в каком-то виде, наверное, все-таки существуют. Что-то в этом мире действительно предначертано свыше. Она едва не погибла в тот день, когда они встретились, и вот он опять тут. Настроение у нее не суицидальное, но все же...

– Привет, Эдриен.

– Лиз?

Задняя дверь машины прижалась к ее бедру, но она даже не помнила, как открыла ее. Весь мир, казалось, состоял из его голоса, его глаз, неожиданных гулких ударов у нее в груди. Шрамы у него на лице были бледными и тонкими – три косых росчерка на одной щеке и шестидюймовая черта, сбегаящая сверху вниз от левого глаза. Даже после предупреждения Бекетта обнаженная открытость этих шрамов поразила ее – равно как и худоба, из-за которой черты его лица казались острее, чем она помнила. Он стал старше и жестче, заострился и заматерел, с какой-то животной неподвижностью, которая привела ее в замешательство. Она ожидала чего-то другого – может, скрытности или стыда.

– Можно, я?..

Она показала рукой на сиденье, и он подвинулся, чтобы освободить ей место. Элизабет проскользнула в машину, ощутив его тепло на коже сиденья. Не отворачиваясь, изучала его лицо, пока его рука не двинулась, чтобы прикрыть самые страшные из шрамов.

– Это всего лишь кожа, – произнесла она.

– Снаружи – наверное.

– А как насчет остального тебя?

– Расскажи мне про Гидеона.

Ее удивило, что он знает его имя.

– Ты узнал его?

– А сколько еще четырнадцатилетних детишек желают мне смерти?

– Итак, он пытался тебя убить.

– Просто скажи мне, в каком он состоянии.

Элизабет прислонилась спиной к двери и несколько секунд ничего не говорила.

– А почему это тебя так заботит?

– Как ты можешь такое спрашивать?

– Я имею полное право такое спрашивать, поскольку он явился сюда, чтобы убить тебя, и поскольку люди обычно не проявляют подобную заботу по отношению к тем, кто намеревался лишить их жизни. Я имею право спрашивать, потому что ему было всего пятнадцать месяцев, когда ты в последний раз его видел, потому что он тебе не друг и не родственник. Я имею право спрашивать, поскольку он ни в чем не повинный ребенок, который за всю свою жизнь и мухи не обидел, поскольку он весит сто пятьдесят фунтов и у него пуля там, где ее не должно быть. Я имею право спрашивать, поскольку я более или менее вырастила его, и поскольку он

выглядит в точности как та женщина, за убийство которой тебя осудили. Так что до тех пор, пока я не буду твердо убеждена, что это не ты в него стрелял, все будет по-моему!

Ее голос звучал совсем громко, когда она закончила, и этот всплеск эмоций удивил обоих. Когда дело касалось мальчика, Элизабет не умела скрывать своих чувств. Она всегда была готова на все, чтобы защитить его, и Эдриен это видел.

– Я просто хочу знать, в порядке ли он. Вот и всё. Он потерял свою мать и думает, что это моя вина. Я просто хочу знать, что он жив, что он не потерял абсолютно все.

Хороший ответ, подумала Элизабет. Честный. Правдивый.

– Он на операции. Больше я ничего не знаю. – Она ненадолго примолкла. – Бекетт говорит, что это Конрой в него стрелял. Это так?

– Да.

– Это была самооборона?

– Парень пришел меня убить. Конрой сделал то, что должен был сделать.

– А Гидеон сделал бы это?

– Спустил бы курок? Да.

– Похоже, ты несколько не сомневаешься.

– Он сказал – это то, что должен сделать мужчина. Вид у него был убежденный.

Элизабет изучила его пальцы, которые выглядели так, будто были сломаны и плохо срослись.

– Ладно. Я тебе верю.

– Ты скажешь Бекетту?

– Бекетту. Дайеру. Постараюсь, чтобы все всё поняли.

– Спасибо тебе.

– Эдриен, послушай...

– Не надо.

– Что?

– Послушай, было замечательно тебя повидать. Это было давно, и ты была добра ко мне как-то раз. Но не делай вид, будто мы друзья.

Это были сложные слова, но Элизабет поняла. Сколько раз она проезжала мимо тюрьмы с того момента, как его осудили? Сколько раз она там останавливалась? Заходила внутрь? Ни разу. Вообще никогда.

– Что я могу для тебя сделать? Тебе нужны деньги? Тебя куда-нибудь подвезти?

– Ты можешь вылезти из машины. – Эдриен смотрел на Бекетта и группу людей, стоящих возле темного седана на краю дороги. Внезапно побледнев и покрывшись потом, сейчас он походил на тяжелобольного.

– Эдриен?

– Просто вылезай из машины. Прошу тебя.

Она подумывала, не поспорить ли, но к чему это приведет?

– Ладно, Эдриен. – Перекинула ноги в жар за пределами машины. – Дай мне знать, если вдруг передумаешь.

* * *

Отходя от Эдриена, посреди стоянки Элизабет наткнулась на Бекетта. Стоящие у него за спиной набились в седан, который развернулся прямо через сплошную линию и во весь дух погнал в сторону тюрьмы. Она узнала лицо в боковом стекле – знакомый профиль мелькнул было и тут же исчез.

– Это начальник тюрьмы?

– Да.

- Что ему было надо?
- Бекетт долгим взглядом проследил за машиной, недобро прищурившись.
- Услышал про стрельбу и понял, что в этом замешан кто-то из его подопечных.
- Вы поцапались?
- Да.
- Насчет чего?
- Насчет того, что нехрен ему делать на моем месте преступления!
- Не кипятись, Чарли. Я просто спросила.
- Ну да... Конечно... Прости. Узнала что-нибудь у Эдриена?
- Он подтверждает рассказ бармена. Гидеон явился мстить. Конрой стрелял в мальчишку, чтобы спасти жизнь Эдриена.
- Вот черт... Жестко. Жаль, что так вышло.
- Что ты собираешься с ним делать?
- С Эдриеном-то? Снять показания. И отпустить к чертовой матери.
- А отец Гидеона в курсе?
- Мы его пока не нашли.
- Я это сделаю.
- Да это же конченный алкаш, а в округе полным-полно всяких гадюшников! Кто знает, под какой камень он забился именно сегодня?
- Я его разыщу.
- Скажи мне, где он, по-твоему, может быть, и я отправлю туда патрульных. Элизабет помотала головой.
- Мы говорим про Гидеона. Его отец должен быть с ним, когда тот очнется.
- Его отец – это конченный гондон, который за всю свою жизнь и палец о палец ради парня не ударил!
- Тем не менее, лучше я сама его разыщу. Это личное, Чарли. Сам понимаешь.
- У тебя через три часа допрос в полиции штата!
- Сказала, что разыщу – значит, разыщу.
- Ладно. Хорошо. Конечно. Как знаешь. – Бекетт был зол, но, похоже, как и все остальные вокруг. – У тебя три часа.
- Заметано.
- Смотри не опоздай.
- Не опоздай? Это уже как выйдет. Элизабет даже не была уверена, что вообще там появится.
- Плюхнувшись в машину, она подумала, что наконец-то всё. Но Бекетт заполнил собой боковое окно, прежде чем она успела включить передачу. Просунулся внутрь, словно опухший в своем тесном костюме. Она заметила царапины на его обручальном кольце, ощутила запах шампуня, судя по всему, шампуня жены. Все в нем было обстоятельным и основательным – взгляд, голос...
- Ты вляпалась непонятно во что, – веско произнес он. – И я это чую. Ченнинг и тот подвал, копы из штата и Эдриен... Черт, кровь этого парнишки даже не успела высохнуть!
- Я знаю, что делаю, Чарли.
- Знаю, что знаешь!
- Что ты пытаешься сказать?
- Я пытаюсь сказать, что люди не способны мыслить связно, когда попадают в серьезный переплет. Это вполне нормально, даже для копов. Просто не хочу, чтобы ты отмочила какую-нибудь глупость.
- Типа чего?
- Плохие люди. Темные места.

Он пытался помочь, но это было как раз то, что сейчас и определяло границы собственного мира Элизабет – плохие люди и те вещи, что творятся в темных местах.

* * *

Поглядывая на тюрьму, которая маячила уже в зеркале заднего вида, Элизабет не спеша покатила к городу. Ей хотелось хотя бы нескольких минут тишины и спокойствия, но мысли о Гидеоне на операционном столе делали это невозможным. Тридцать второй – не слишком крупный калибр, но ведь и мальчишка еще совсем маленький. Вину ли она Натана Конроя за тот выстрел? Нет. Вряд ли. Вину ли Эдриена? И как насчет самой себя?

Элизабет мысленно нарисовала себе мать Гидеона такой, какой та была – высокую, ясноглазую и элегантную, – а потом представила ее сына, выжидающего в темноте с револьвером в кармане. Где он его взял, как добрался до бара? Пешком? На попутках? Это револьвер его отца? Господи, неужели он и впрямь планировал убить человека? От подобных мыслей реально кружилась голова – хотя, может, то была просто запоздалая реакция на вид крови парнишки, или на то, что она выпила три чашки кофе после двух дней без крошки во рту, или все из-за того, что за последние шестьдесят часов удалось поспать от силы шесть? Сбавив ход у реки, Элизабет съехала на обочину и позвонила в больницу, чтобы узнать о состоянии Гидеона.

– Вы родственница? – поинтересовались у нее.

– Я из полиции.

– Подождите, сейчас переключу на хирургию.

Элизабет стала ждать, бездумно глядя на воду. Она выросла возле этой реки и знала все ее настроения: мягко скользит в августе, мчится и клокочет пенными бурунами под зимним порывистым ветром... Иногда она брала Гидеона с собой на рыбалку, и это было их собственное место, их собственная фишка. Но сегодня река казалась какой-то другой. Элизабет не видела ни платанов, ни ив, ни ряби, вызванной течением. Видела лишь уходящую вдаль резаную рану в красноватой земле.

– Это вы спрашивали про Гидеона Стрэнджа?

Элизабет опять разыграла свою полицейскую карту и быстро получила всю имеющуюся информацию. «Все еще на операционном столе. Прогнозы делать пока рано».

– Спасибо, – поблагодарила она, после чего пересекла реку, даже ни разу не глянув вниз.

* * *

Ушло двадцать минут, чтобы добраться до заброшенной и всеми позабытой стороны бытия – семимильного отрезка дороги, который начинался пустыми витринами и заканчивался полуразвалившимися заводами и фабриками, разменявшими уже вторую сотню лет. Текстильная индустрия оказалась в полном забросе еще даже до начала кризиса, равно как предприятия по производству мебели и розливу безалкогольных напитков, а также крупная табачная фабрика. Теперь восточная часть города была вымощена лишь пустыми промышленными корпусами и разбитыми надеждами. Только поступив на службу в полицию, Элизабет начинала работать как раз в восточной части города, но теперь та стала еще хуже. С юга в город стали проникать банды из Атланты, с севера – из округа Колумбия. По автостраде национального значения начали гонять туда-сюда наркотики, и с ростом этой торговли масштабы всякой дряни, в которой погряз весь город и этот район в особенности, многократно увеличились. Немало насильственных преступлений совершалось как раз на этом семимильном отрезке, и множество бедных, но приличных людей оказались заперты здесь, словно в ловушке.

В том числе и Гидеон.

Свернув на узкую улочку, она осторожно пробиралась между обломками выброшенной мебели и древними автомобилями, пока мимо не проскользнул бледно-желтый дом, а улочка не стала еще круче проваливаться вниз. Чем глубже Элизабет спускалась в ложбину, тем больше сгущались тени. Автомобили становились все более побитыми и ржавыми; трава исчезла. К тому моменту, как она оказалась в самом низу, дорога полностью оказалась в тени – полоска асфальта, бегущая вдоль студеного ручейка, который белой струйкой взламывал серый камень и осколки потрескавшегося бетона. Гидеон не всегда жил в таком практически безлюдном месте, но после смерти жены Роберт Стрэндж начал крепко пить и в итоге свалился на самое дно. Хорошая работа превратилась в случайные приработки. Он запил еще сильнее, подсел на наркотики. Оставалось только гадать, как он вообще ухитрился сохранить Гидеона, не лишиться родительских прав. Хотя что тут гадать... Социальные службы были и без того перегружены, а Элизабет слишком уж сильно любила мальчишку, чтобы окончательно разбить то, что еще осталось от его сердца. Всякий раз, когда она пыталась привлечь собес, Гидеон буквально умолял ее оставить его с отцом.

«Это ведь мой отец, – говорил он всякий раз. – Больше у меня никого не осталось».

Если не считать нескольких месяцев, проведенных в приемной семье, желание его исполнилось. При условии, что Элизабет не останется в стороне. И она постоянно старалась быть рядом. Следила, чтобы одежда его была чистой, а на столе всегда имелась еда. И это получалось, пока не произошло непоправимое. Теперь Гидеон боролся за жизнь, а ей пришлось иметь дело с очень непростым вопросом.

Насколько в случившемся виновата она сама?

Петляя по дну ложбины, Элизабет наконец добралась до дома парнишки, пристроившегося на каменистом клочке земли возле ручья. Тот был поменьше большинства остальных – выцветший куб под железной, покрытой ржавыми потеками крышей. Крыльцо с одной стороны перекошилось под весом кое-как сложенной поленницы, а шлакоблочная печная труба завалилась градусов на десять от вертикали; но именно ручей был тем, что делало все таким пустым и убогим по сравнению с ним – вся эта холодная чистая вода, быстро убегающая куда-то в лучшие края.

Выбравшись из-за руля, Элизабет оглядела продолговатый клочок неба над головой, ручей, бледно-розовый дом через улицу. В тени было тихо и жарко. На спущенных шинах ржавел старый автомобиль. Дворик усыпала красноватая пыль.

Поднявшись на крыльцо, она дважды стукнула в дверь, но уже знала, что никого за ней нет. Дом казался совершенно пустым. Прошла внутрь, переступая через пустые бутылки из-под спиртного, какие-то автомобильные запчасти и старую почту. Первым делом заглянула в комнату Гидеона. Кровать была убрана, обувь аккуратно выстроилась вдоль стены. Единственный шкаф был уставлен книгами и фотографиями в рамках. Элизабет сняла с него фото матери Гидеона, сделанное в день свадьбы. Простенькое платье, веночек в волосах. На заднем плане – старая церковь, рядом – ее новоиспеченный супруг, молодой, аккуратно одетый, симпатичный. Еще на двух снимках – Элизабет с Гидеоном: пикник в парке, потом на берегу реки. Других фотографий отца не было, и представлялось, что это вполне справедливо. На последнем снимке – Гидеон с родителями Элизабет. Мальчишка был в восторге от церкви и пел в хоре. Элизабет забирала его по воскресеньям и привозила туда. Сама в церковь никогда не заходила – давний зарок, – но ее родители любили мальчика едва ли меньше, чем она сама. Преподобный был решительно настроен поддерживать маленького Гидеона и никогда не забывал напоминать ему, что его отец некогда был достойным человеком.

Расхаживая по комнате Гидеона, Элизабет бездумно касалась то учебников, то черепахового панциря, то копилки с мелочью. Ничего не изменилось, подумала она, а потом поразмыслила, к каким последствиям может привести смерть Гидеона.

«Даже не думай!»

Закрыв двери комнаты мальчика, она проверила остальные комнаты, а потом направилась на розыски его отца. Бекетт был абсолютно прав насчет Роберта Стрэнджа. С одной стороны, безответственный алкаш, а с другой – просто окончательно сломленный человек, который любил мальчишку как только мог. В данный момент он подрабатывал на полставки в спрятавшейся в лесной глуши автомастерской где-то далеко за городом. Владелец предприятия крепко выпивал, из чего вытекало, что Роберт имеет полное право пить тоже. Работал отец Гидеона «в черную», в основном с американскими машинами, в основном за наличные. Вот там-то он сейчас и может обраться, подумала Элизабет, в этой автомастерской, – бесполезный и пьяный.

Чтобы добраться туда, пришлось проехать семнадцать миль по извилистой, сельского вида шоссе – мимо карьера, стрельбища и развалин старого театра. Миновав несколько молочных ферм и распаханых полей, Элизабет свернула влево и помчалась под густыми кронами деревьев, покачивающихся под легким ветерком. Через две заключительные мили, уже по щебенке, она свернула на обычный проселок и по раздолбанной колее подкатила к ржавому ангару, стоящему на высоком берегу над последней излучиной реки. Вырубил зажигание и несколько секунд напряженно всматривалась сквозь лобовое стекло. Угнанные и разыскиваемые полицией машины и краденые автомобильные колеса были далеко не единственными незаконными вещами в этой части округа. Имелись здесь и метадоновые лаборатории¹², и площадки для петушиных боев, и подпольные бордели на трейлерных стоянках, которые содержали здоровенные длинноволосые детины с наколотыми на руках свастиками. Здесь то и дело бесследно пропадали люди, и редкий год проходил без того, чтобы охотники не нашли в лесу останки то одного, то другого такого бедолаги. Так что Элизабет очень внимательно и достаточно долго оглядывалась, а перед тем, как выйти из машины, проверила, по-прежнему ли пистолет заткнут сзади за пояс.

Но все равно здесь ей очень не нравилось. Под навесом, вывалив языки, пристроились разномастные псы. Дальше вдоль излучины берега шипела и журчала речная вода, становясь масляно-плоской и замедляя бег, миновав границу округа. Подходя, Элизабет пристально наблюдала за собаками. Две остались лежать, но одна медленно поднялась, опустив башку, свесив розовый язык и тяжело дыша на жару. Вполглаза приглядывая за псом и за навесом, в десяти футах от широких ворот ангара Элизабет учуяла запах смазки, бензина и табачного дыма.

– Чем могу помочь?

Из-под поднятого на гидравлический подъемник пикапа выступил какой-то человек – лет под шестьдесят, с короткими волосами, с измазанными смазкой плечами. Где-то шесть футов четыре дюйма и двести тридцать фунтов, автоматически прикинула Элизабет. Вытерев массивные ручищи грязным носовым платком, он настроенно поглядывал на нее.

– Меня зовут Элизабет Блэк.

– Я знаю, как вас звать, детектив. Мы здесь тоже газеты получаем.

Настроен не агрессивно, отметила Элизабет. Но и не особо расположен помочь.

– Я хотела бы поговорить с Робертом Стрэнджем.

– Никогда про такого не слышал.

– Он работает здесь четыре дня в неделю. Вы платите ему черным налом, мимо кассы. Вон его мопед под деревом.

Она показала на желтый мопед, и под навесом поднялся еще один пес, слегка взвизгнув, словно бы учуял повисшее в воздухе напряжение.

Здоровяк вышел на гравий перед входом, полностью оказавшись на ярком солнце.

– А вас разве не отстранили?

¹² Метадон – синтетический наркотик, часто производящийся кустарным способом.

Теперь Элизабет насчитала уже пятерых мужчин, которые в основном держались в тени в глубине гаража. Кое-кто наверняка в розыске – неявка в суд, мелкие правонарушения...

– Вы хотите усложнить мне жизнь?

– Пока что вряд ли.

– Я просто хочу с ним поговорить.

– Это насчет его сынишки?

– Так вы в курсе?

– Жена Гленна работает в диспетчерской «девять-один-один». – Он мотнул головой на одного из мужчин. – Она нам рассказала, что случилось. Парень тут иногда появлялся. Славный мальчишка. Он нам всем нравится.

Элизабет оглядела ангар, мужчин внутри. Как наяву представила себе здесь Гидеона. Он просто обожал машины и лес. А река – вон она прямо тут, под ногами.

– Нам не нужны никакие неприятности.

– Никаких неприятностей и не будет.

– Тогда в подсобке. – Он ткнул куда-то назад большим пальцем. – Вон за тем «Корветом».

«Корвет» стоял на напольном домкрате – передние колеса сняты и размонтированы, ступичные подшипники вытащены. За ним виднелась металлическая дверь, выкрашенная черной краской. Посмотрев на нее, Элизабет ощутила в кончиках пальцев покалывание. Мужчины по-прежнему наблюдали за ней, никто не работал. Придется буквально проталкиваться через них, а потом пробираться между машинами, домкратами и подъемниками. В ангаре стояла полутьма. Они выжидающе таращились на нее, а она прикидывала, что там может оказаться в подсобке – окна, или тьма, или просто дыра в пространстве в форме продавленного матраса.

– Детектив?

Вздвигнув, Элизабет решительно устремила в ангар, раздвигая мужчин. К ее удивлению, они с готовностью расступились, давая дорогу. Трое вежливо кивнули, а еще один пробормотал: «Мэм», прежде чем опустить голову, словно бы смутившись. Подсобка за их спинами оказалась просто подсобкой – небольшим квадратным пространством с торговыми автоматами, диванчиком из кожзаменителя и столом с четырьмя стульями. Роберт Стрэндж сидел, опершись о стол обеими руками, между которыми стояли стакан и бутылка. Морщины у него на лице словно стали еще глубже, чем обычно. Выглядел он не лучшим образом.

– Привет, Роберт.

– Так и знал, что именно вы явитесь меня искать.

– Это почему же?

– Потому что это ведь всегда вы, разве не так? – Он поднял стакан и опрокинул в рот коричневатую жидкость. – Он мертв?

– С час назад я разговаривала с больницей. Его оперируют. Есть надежда.

– Надежда...

Это слово словно просочилось у него между губами. Элизабет увидела сомнение и сожаление, – но и еще что-то, что-то темное и мутное. Попыталась определить, насколько Стрэндж пьян, но он всегда был тихим, угрюмым алкашом.

– Вы знаете, почему в вашего сына стреляли?

– Шли бы вы лучше отсюда, детектив.

– В него стреляли, когда он пытался убить Эдриена Уолла. Вы достаточно трезвый, чтобы это понять? Он ждал возле тюрьмы. Четырнадцатилетний мальчишка с заряженным стволом в руках.

– Не произносите при мне имя этого гада.

– Где вы находились, когда все это произошло?

Он опять поднял было стакан, но она перехватила его руку.

– Откуда у него этот ствол?

– Отдайте стакан.

– Отвечайте на вопрос!

– Можете вы, черт побери, хотя бы разок заняться каким-нибудь собственным делом?

– Нет.

– Это же мой сын, неужели непонятно? Почему вы лезете в самую середину? Почему вы *всегда* лезете в самую середину?

Это была постоянная тема их разногласий. Элизабет представляла собой неотъемлемую часть жизни Гидеона. Роберту это было не по вкусу. Глядя на него теперь, Элизабет внимательно рассматривала яркие глаза, вздувшиеся вены. Его руки выкручивали горлышко бутылки, словно это было ее собственное горло.

– Это вы дали Гидеону револьвер?

– Да господи...

– Вы тоже желали Эдриену смерти?

Он повесил голову и запустил пальцы в сальные волосы. Элизабет не сводила взгляда с тяжелого подбородка, с покрытого паутиной красных сосудов носа. В каких-то тридцать девять лет Роберт выглядел полной развалиной. При всем чувстве горечи и сожаления было легко забыть, что на самом-то деле перед тобой еще достаточно молодой человек, сердце которого разбито после смерти красавицы-жены.

– Вы были в курсе, чем занимался ваш сын? – более мягко спросила она. – Вы знали, что у него есть револьвер?

– Я думал...

– Что вы думали?

– Я был пьян. – Он с силой потер глаза. – Я думал, это мне просто приснилось.

– Это вы о чем?

– Гидеон с револьвером в руке. – Роберт помотал головой, черные волосы блеснули в тусклом свете подсочки. – Он взялся откуда-то из-за телевизора. Но такое ведь могло только присниться? Револьвер, появляющийся из телевизора... Это не могло быть по-настоящему.

– Это был ваш револьвер, Роберт?

Его рот оставался плотно закрытым, так что она нажала посильней.

– Вы знали, что Эдриен Уолл сегодня выходит из заключения? – Стрэндж поднял взгляд, а глаза его так внезапно порозовели и выражали такое потрясение, что Элизабет уже заранее знала ответ. – Господи, ну конечно же знали.

– Это был просто сон. Так ведь? Как это могло быть на самом деле?

Он зарылся лицом в ладони, и Элизабет, уже все понимая, выпрямилась.

«Он и впрямь думал, что это просто сон?»

«Или какая-то часть его все-таки знала?»

Та часть его души, которая сейчас и заставила его пролить слезы. Та часть, которая считала, что все это происходило на самом деле, и решила не звонить копам, та часть, что желала смерти Эдриену Уоллу и предпочла предоставить сыну проделать всю грязную работу.

– Мой мальчик жив? – Стрэндж поднял на нее покрасневшие глаза. – Прошу вас, скажите, что это так!

– Да, – произнесла она. – Двадцать минут назад он был еще жив.

Тут Стрэндж окончательно сломался и начал всхлипывать в голос.

– Я хочу, чтобы вы поехали со мной, Роберт.

– Зачем?

– Потому что, как бы это ни было мне ненавистно, Гидеон вас любит. Вы должны быть там, когда он придет в себя.

– Вы отвезете меня?

– Да, – сказала Элизабет, и он поднялся, беспомощно моргающий и испуганный, словно заведомо обреченный на что-то ужасное.

6

Доставив Роберта Стрэнджа в больницу, Элизабет пристроила его в комнате для посетителей в том же коридоре, где находились операционные. Коротко переговорив с одной из медсестер, вернулась туда, где оставила его.

– Гидеон по-прежнему в операционной. Хотя вроде все пока ничего.

– Это точно?

– Точнее не бывает. – Выудив из кармана двадцать долларов, Элизабет бросила их на стол. – Это на еду. Не на спиртное.

Ирония ситуации заключалась в том, что ей самой жутко хотелось выпить. Она страшно устала и чувствовала себя высосанной до последней капли, и впервые за всю свою взрослую жизнь вдруг ощутила, что не хочет быть копом. Но что взамен?

Какая-то другая работа?

Тюрьма?

Сидя за рулем, Элизабет чувствовала, что это вполне реально. Полиция штата. Взятие под стражу. Может, как раз по этой причине она и поехала в управление самой длинной дорогой. Может, как раз потому и опоздала.

– Да где тебя черти носили?

Бекетт поджидал у входа – галстук ослаблен, лицо краснее обычного. Заперев машину и двинувшись к дверям, Элизабет машинально бросила взгляд на окна на втором этаже.

– Что с Эдриеном?

– Свободен, как птица.

Бекетт пристроился за ней, заметно сдвинувшись от ее уверенного спокойствия.

– Где он?

– Когда я последний раз его видел, шел пешком по дороге. Как Гидеон?

– Все еще в операционной.

– Ты нашла его папашу?

– Он уже в больнице.

– Бухой?

– Угу.

Оба избегали очевидного. Бекетт подобрался к нему первым.

– Они тебя ждут.

– Те же самые?

– Другие.

– Где?

– В конференц-зале.

– О господи...

– Ну да, знаю.

Конференц-зал располагался рядом с помещением для инструктажа и имел стеклянную стену. А значит, сотрудники полиции штата хотели, чтобы она оставалась у всех на виду. Хотели, чтобы все коллеги ее хорошо видели.

– Похоже, что за нас решили взяться всерьез.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, они вошли в помещение для инструктажа. Разговоры тут сразу же стихли, и все уставились на них. Элизабет явственно ощущала недоверие и осуждение, но постаралась отключиться. Да, отдел поджаривали по полной программе. Газеты словно с цепи сорвались, и множество народу затаили злобу. Элизабет прекрасно все это понимала, но не всем приходилось входить во тьму и делать трудный выбор.

Она знала, кто она такая, и в себе не сомневалась.

Хотя копы в конференц-зале были полными чужаками. Элизабет увидела их через стекло – оба значительно старше ее, суровые и неприступные. Оба при оружии, со значками штата, они пристально смотрели на нее, пока она лавировала между письменными столами.

– Капитан! – Остановилась возле Дайера, застывшего в ожидании у самых дверей. – Это ведь не те же самые следователи.

– Гамильтон и Марш, – подтвердил Дайер. – Слышала про них?

– А должна была?

– Это натуральные головорезы, Лиз, политизированные и результативные. Не советую с ними расслабляться.

– Не буду.

– И все же ты без адвоката...

– Верно.

– Он говорит, что ты с ним так до сих пор и не встретишься, на звонки не отвечаешь, не перезваниваешь...

– Да все нормально, Фрэнсис.

– Давай все перенесем и вызовем адвоката. Скандал беру на себя.

– Я уже сказала: все нормально.

Элизабет прикоснулась ладонью к его щеке, после чего открыла дверь и вошла внутрь. Оба следователя стояли у другого конца длинного стола. Один легонько барабанил пальцами по полированному дереву; другой скрестил руки на груди.

– Детектив Блэк, – начал тот, что повыше ростом. – Я специальный агент Марш. А это специальный агент Гамильтон.

– Да мне все равно, кто вы такие. – Выдвинув стул, Элизабет решительно уселась.

– Очень хорошо. – Тот, которого звали Марш, тоже сел. Другой слегка выждал и последовал его примеру. Ни единого доброго взгляда, оба не смягчились ни на миг. – Вы понимаете, почему у вас есть право на адвоката?

– Давайте просто перейдем к делу.

– Очень хорошо. – Марш подтолкнул к ней по столу бланк с перечислением ее прав по правилу Миранды¹³. Элизабет без единого слова подмахнула его, и Марш затолкал его в папку. Потом поднял взгляд на Дайера и махнул на свободный стул. – Капитан, не желаете присесть?

– Нет. – Дайер стоял в углу, скрестив руки на груди.

Все взгляды из-за стекла были направлены в их сторону. Вид у Бекетта был такой, будто его сейчас стошнит.

– Ну хорошо. – Марш включил магнитофон, назвал дату, время и фамилии всех присутствующих. – Данный допрос имеет отношение к применению огнестрельного оружия, в ходе которого погибли Брендан и Титус Монро, родные братья, которым на момент смерти исполнилось тридцать четыре и тридцать один год соответственно. Детектив Блэк поставлена в известность о своем праве на адвоката. Капитан Дайер присутствует исключительно в качестве свидетеля и участия в допросе не принимает. А теперь, детектив Блэк... – Марш с ничего не выражающим лицом сделал паузу. – Я хотел бы, чтобы вы изложили события, произошедшие пятого августа сего года.

Элизабет переплела на столе пальцы.

– Я уже давала объяснения, касающиеся данного вопроса. У меня нет ни изменений, ни дополнений.

¹³ Согласно так называемому «правилу Миранды» в США задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах – праве хранить молчание, не свидетельствовать против себя и т. д., – а задерживающий его сотрудник правоохранительных органов обязан получить положительный ответ на вопрос, понимает ли тот сказанное, подтверждением чего может служить подпись на специальном бланке.

– Тогда будем считать, что данное обсуждение ставит своей целью прояснить некоторые нюансы и оттенки. Мы просто хотим немного лучше понять, что же тогда произошло. Я уверен, что вы должны отнестись к этому с пониманием.

– Хорошо.

– Мне бы хотелось более подробно услышать о том, как вы оказались в доме, в котором погибли братья Монро. Ченнинг Шоур на тот момент числилась пропавшей уже около полутора суток. Верно?

– Сорок часов.

– Простите?

– Не около полутора суток. Сорок часов.

– И полиция активно участвовала в поисках?

– Были предположения, что она просто сбежала из дому, – но да. У нас имелось ее описание, и нас привлекли по полной программе. Ее родители приехали в отдел. Они очень беспокоились.

– И публично пообещали вознаграждение?

– И еще выступили по местному телевидению. Они были очень убедительны.

– А вы сами считали, что она просто сбежала?

– Я считала, что ее похитили.

– На основе какой информации? – спросил Марш.

– Я пообщалась с ее родителями и побывала у нее дома, в ее комнате. Опросила друзей, учителей, воспитателей. Никаких признаков злоупотребления алкоголем или наркотиками. Ее родители, конечно, не идеал, но тоже ничем не злоупотребляют. Молодого человека у нее не было, ничего необычного в ее компьютере тоже не нашлось. Она собиралась поступать в колледж. Это был совершенно нормальный, психически устойчивый ребенок.

– И это было единственное основание для подобного суждения?

– У нее было розовое постельное белье.

– Розовое постельное белье?

– Да, розовое. Плюшевые зверюшки. – Элизабет откинулась на спинку стула. – В жизни беглецов обычно не бывает ничего розового, мягкого и пушистого.

Гамильтон так уставился на Элизабет, словно она сказала какую-то непристойность. Марш поерзал на стуле.

– И через какое-то время Ченнинг обнаружили в подвале заброшенного жилого дома на Пенелоп-стрит.

– Да.

– Как бы вы описали этот район?

– Гадюшник.

– Опасный?

– Да, недавно там было несколько перестрелок.

– А убийств?

– Тоже было дело.

Марш подался вперед.

– Почему вы зашли в этот дом в одиночку? Где на тот момент находился ваш напарник?

– Я уже это объясняла.

– Объясните еще раз.

– Было уже поздно. Мы занимались поисками Ченнинг Шоур с пяти утра. Очень устали. Бекетт поехал домой принять душ и немного поспать. Я решила выпить кофе и перехватить чего-нибудь в закусочной для автомобилистов. Мы договорились встретиться снова в пять на следующее утро.

– Продолжайте.

– Я получила по радио вызов от диспетчера – меня попросили проверить сообщение о какой-то подозрительной деятельности в заброшенном доме на Пенелоп-стрит. В сообщении отмечалось, что в подвале что-то происходит, вроде как слышны крики. В другой ситуации я не стала бы принимать такой вызов, но ночка выдалась тяжкая. Наши буквально разрывались на части.

– Как это, разрывались на части?

– В тот день закрылась аккумуляторная фабрика – город потерял три сотни рабочих мест, хотя ему и трех-то терять не по карману. Начался бунт. Жгли машины. Народ рассвирепел. Полиции пришлось расплыть ресурсы.

– Где находился в тот момент детектив Бекетт?

– Он человек женатый, у него дети. Ему нужно было время.

– Итак, вы отправились совсем одна в опасный район, а потом – в дом, из которого, согласно сообщению диспетчера, слышались крики?

– Совершенно верно.

– И не вызвали подкрепление?

– Нет.

– Это нормальный порядок действий?

– Так и день был не совсем нормальный.

Марш побарабанил пальцами по столу.

– Вы выпивали?

– Этот вопрос оскорбителен.

Марш двинул по столу листок бумаги.

– Вот рапорт о происшествии, составленный вашим непосредственным начальником. – Он бросил взгляд на Дайера. – Тут говорится, что после стрельбы вы были дезориентированы. Временами вообще ни на что не реагировали.

Элизабет на секунду будто вновь перенеслась в тот момент, о котором шла речь. Она сидит на бордюре возле заброшенного дома. Ченнинг уже поместили в «скорую», закутанную в одеяло, в полном ступоре. Руки Дайера лежат на плечах Элизабет. «Ну поговори со мной, – повторяет он. – Ну Лиз!» Его глаза то проявляются, то исчезают опять. «Господи, – произносит он, – да что же тут такое творится?!»

– Я не выпивала. И не была выпивши.

Марш откинулся на спинку, внимательно изучая ее лицо.

– У вас вообще слабость к детям и подросткам.

– Это вопрос?

– Особенно к тем, которые беспомощны и которых каким-то образом обижают. Это отражено в вашем личном деле. Люди в управлении в курсе. Вы очень остро реагируете, когда молодежь попадает в беду. Конфликтуете с властями, часто прибегаете к силе. – Марш подался вперед. – Чувствуете какую-то связь с теми, кто мал, юн и не способен постоять за себя.

– А разве это не законная часть нашей работы?

– Только когда это не входит в противоречие с работой. – Марш открыл еще одну папку и принялся раскидывать по столу фотографии трупов. Фото были глянцевые, полноцветные. Непосредственно с места происшествия. Из морга. Они веером разлеглись по столу, словно игральные карты: кровь, пустые глаза и раскрошенные кости. – Вы вошли совсем одна в заброшенный дом...

Говоря, он перебирал снимки.

– Электричества не было. Сообщения о криках. Вы вошли в подвал совершенно одна.

Он выравнивал фотографии по краю, пока они не выстроились в идеальную линию.

– Вы что-нибудь слышали?

Элизабет только сглотнула.

- Детектив Блэк? Вы что-нибудь слышали?
- Капала вода. Крысы копошились в стенах.
- Крысы?
- Да.
- Что еще?
- Ченнинг плакала.

– Вы видели ее?

Элизабет моргнула, и воспоминания разом размылись во что-то мутное.

- Она была во второй комнате.
- Опишите это помещение.
- Бетон. Низкие потолки. Матрас в углу.
- Там было темно?
- На ящике горела свечка. Красная.

Элизабет прикрыла глаза и сразу как наяву увидела эту сцену: потеки воска и мерцающий свет, коридоры, двери и скрывающиеся во тьме углы. Все такое же реальное, как в ее снах, но в основном она слышала голос девушки, обрывки слов и молитвы – то, как та умоляла Господа помочь ей, ну пожалуйста!

– Где находились в тот момент братья Монро?

– Не знаю. – Элизабет откашлялась. – Там были и другие помещения.

– А ребенок? – Марш подтолкнул вперед одну из фотографий. На ней был изображен матрас с брошенным на него мотком проволоки. Элизабет опять заморгала, но комната вокруг нее оставалась размытой. Только фотография была в фокусе. Матрас. Воспоминания. – В каком состоянии была Ченнинг?

– В каком? Думаю, сами можете представить.

– Испугана, естественно. – Он ткнул пальцем в матрас на фотографии. – Привязана к матрасу проволокой. Обнаженная. Одна.

Марш убрал снимок, потом прикоснулся к двум другим, изображающим мертвых людей – тела причудливо изогнуты, изломаны, раскрошены пулями.

– Вот эти интересуют меня больше всего. – Он придвинул снимки поближе к ней. – В особенности места попадания пуль. – Марш коснулся сначала одного изображенного на фото человека, а потом другого. – Оба колена прострелены. – Вперед двинулся увеличенный снимок раздробленных коленей. – Многочисленные попадания в пах. И опять-таки у обоих.

Очередной увеличенный снимок ширкнул по столу – фото, сделанное в ходе вскрытия, жестокое и яркое.

– Вы пытали этих людей, детектив Блэк?

По лакированному дереву скользнула еще одна фотография.

– Титус Монро. Прострелены оба колена и оба локтевых сустава.

– Не намеренно.

– Но весьма болезненно. Хотя и не смертельно.

Элизабет сглотнула, ощущая, как кружится голова. Марш это заметил.

– Прошу вас посмотреть на каждую из фотографий.

– Я их уже видела.

– Это не случайные повреждения, детектив.

– Я думала, что они вооружены.

– Колени. Пах. Локти.

– Было темно.

– Восемнадцать выстрелов.

– Девочка плакала.

– Восемнадцать выстрелов – нацеленных так, чтобы причинить максимальную боль.

Элизабет отвернулась. Марш откинулся на спинку, глаза его были голубыми и холодными.

– Убиты два человека, детектив.

Элизабет медленно повернула голову; ее и без того пустые и лишённые эмоций глаза теперь казались просто мертвыми.

– Два животных, – проговорила она.

– Прошу прощения?

Ее сердце выдало двойной удар. Она заговорила преувеличенно спокойным голосом.

– Убиты два *животных*.

– Лиз! Господи!

Марш властно вытянул руку, когда Дайер дернулся в их сторону.

– Все нормально, капитан. Стойте, где стоите. – Он опять переключил внимание на Лиз, раскинув руки по столу. – Вы пытались этих людей, детектив?

Взял кровавый снимок, аккуратно положил перед ней. Элизабет отвернулась, так что он подсунул еще два. Увеличенные кадры, сделанные во время вскрытия.

– Детектив Блэк?

Элизабет встала.

– С меня хватит.

– Я не давал разрешения встать.

Она оттолкнула стул назад.

– Я еще не закончил, детектив.

– Зато я закончила.

Она развернулась на каблуках.

Гамильтон начал было подниматься, но Марш вытянул руку.

– Пусть уходит.

Толкнув дверь, Элизабет оказалась снаружи, прежде чем Дайер успел коснуться ее руки или сказать хоть слово, чтобы ее остановить. Протолкалась сквозь толпу уставившихся на нее копов. Друзей, недругов – лиц, теперь казавшихся совершенно незнакомыми. Помещение вдруг словно потемнело, стало серым, пока люди в нем бормотали слова, на которые ей было плевать или которых она просто не понимала. Все превратилось в тот *подвал*. Бетон и полосатая ткань, крики и кровь. Она услышала собственное имя, но это было не по-настоящему. Мир стал пороховым дымом, перекрученной проволокой и переплетенными пальцами Ченнинг...

– Лиз!

Скользкой от пота кожей и болью...

– Лиз, черт тебя побери!

Это Бекетт, по-прежнему откуда-то страшно издали. Она не обратила внимание на его скользнувшие по ней пальцы и только на свежем воздухе осознала, что он сбежал вслед за ней по лестнице. Машины, черный асфальт тротуара, пальцы Бекетта у нее на запястье.

– Я не хочу про это говорить.

– Лиз, посмотри на меня!

Но она просто не могла. Из какой-то машины на асфальт накапало масло. Яркий солнечный свет превратил лужу в расплавленный чугунок, и это было в точности то, как она себя сейчас чувствовала: словно все ее кости вдруг потеряли свою твердость, будто она сейчас сама расплавится и растечется по дороге.

– Не зови меня, Чарли. Договорились? Не зови меня. Не иди за мной.

– Куда ты собралась?

– Не знаю, – ответила она; но эта была неправда.

– Наверное, тебе надо поговорить с Уилкинсом.

– К нему тоже не пойду. – Уилкинс был полицейским психологом. Упорно звонил ей каждый божий день. И каждый день она упорно отказывалась от его услуг. – Я в полном порядке.

– Ты твердишь это, как заведенная, но вид у тебя такой, что подуй ветерок, и тебя просто снесет к чертовой матери!

– Я в порядке.

– Лиз...

– Мне надо идти.

Забравшись в машину, она поехала к заброшенному дому, в котором сорок долгих часов удерживали Ченнинг. Сама точно не знала, зачем туда едет, но предполагала, что это имеет какое-то отношение к фотографиям, снам и к тому, как она избегала эту часть города. Строе-ние казалось пустым остовом под темнеющим небом. Оно отстояло довольно далеко от дороги, часть его обрушилась под упавшим деревом, а остальное почти полностью скрывалось за путаницей разросшихся кустов, молочая и высокой травы. Элизабет учуяла его запах сквозь окно с опущенным стеклом – едва уловимый аромат гнили, плесени и одичавших кошек. Дом по соседству был пуст. Еще три дальше по улице стояли темными.

Город разваливается, подумала она.

И она сама разваливается.

На крыльце Элизабет нерешительно остановилась. На двери трепетала желтая лента. Окна заколочены. Прикоснувшись к облупившейся краске, Элизабет подумала о всех тех вещах, что умерли там, за этой дверью. «Пять дней, – твердила она себе. – Я сумею с этим справиться». Но когда потянулась к дверной ручке, рука ощутимо дрожала.

Элизабет недоверчиво уставилась на нее, а потом резко отдернула пальцы. Довольно долго стояла, не двигаясь, после чего в полном смятении отступила – впервые с того самого момента, как приколола на грудь полицейский значок. Это просто место, повторяла она себе. Просто дом.

«Тогда почему мне никак не войти?»

Усевшись обратно за руль, Элизабет тронулась с места. Дома быстро проскакивали мимо, солнце уже заваливалось за верхушки самых высоких деревьев. Только на длинном, пологом повороте дороги она осознала, что едет не домой. Домá все не те, равно как силуэт горизонта и виды вокруг. Но она продолжала давить на газ. Почему? А потому, что ей что-то нужно. Краеугольный камень. Напоминание о том, почему она вообще пошла в копы.

* * *

Когда она наконец нашла Эдриена, тот находился в десяти милях от города, в выгоревшем строении, некогда служившем ему домом. Оно пристроилось под высокими деревьями в самом конце узкого проезда длиной с полмили – некогда чудесный фермерского стиля домик, теперь представляющий собой лишь обугленные стены с торчащей закопченной костью дымовой трубой. Когда Элизабет выбралась из машины и встала под быстро кружащимся небом, коснувшийся губ ветер принес с собой еле уловимый привкус гари.

– Что ты тут делаешь, Лиз? – Он выступил из темноты.

– Привет, Эдриен. Прости, что так вот попросту, без приглашения.

– Но вообще-то теперь это не совсем мой дом, так ведь?

– Я не это имела в виду.

– Тогда что?

– Тюрьму. Тринадцать лет. – У нее кончились слова, поскольку Эдриен и сотворил ее той, кем она была сейчас. Это делало его в некотором роде богом, а боги всегда ужасали ее. – Прости, что ни разу не навестила.

– Ты тогда была просто салагой. Мы едва знали друг друга.

Она просто кивнула, поскольку никакие слова опять не подходили. Элизабет трижды писала ему в первый год его заключения, и каждый раз одно и то же. «Прости. Жаль, что я не смогла сделать что-то большее». После этого ей было уже нечего предложить.

– А ты знал?.. – Она лишь неловко повела рукой, чтобы закончить фразу. «Ты знал, что твой дом сожгли, а твоя жена ушла?»

– Кэтрин так ни разу и не проявилась. – Его лицо в полумраке казалось лишь серым пятном. – После суда вообще никто не проявлялся.

Элизабет зябко повертела плечами под нахлынувшим чувством вины. Надо было давно сообщить ему, что жена ушла, а дом сгорел. Надо было поехать в тюрьму и поговорить с ним лицом к лицу. Хотя она просто не смогла бы этого вынести – мысли о том, что он заперт за решеткой, раздавлен и унижен...

– Кэтрин уехала неизвестно куда через три месяца после того, как тебя осудили. Дом какое-то время стоял пустым, а потом вдруг сгорел. Говорят, это был поджог.

Эдриен просто кивнул, но она знала, насколько это ему больно.

– Зачем ты здесь, Лиз?

– Просто захотела тебя проведать.

Остальное Элизабет оставила невысказанным – что обвинения в убийстве грозят ей самой, что она окончательно запуталась и что, наверное, когда-то она его любила.

– Не хочешь зайти?

Она подумала, что Эдриен шутит, но он повел ее между обугленных досок и закопченных обломков камня, и вот, наконец, лица его коснулось оранжевое свечение. Раньше тут была гостиная, поняла Элизабет. Пол отсутствовал, но в камине пылал огонь. Оседая, горящие поленья шуршали и потрескивали. Эдриен подбросил еще дров, и комната озарилась светом. Пепел был кое-как выметен, посередине вместо табурета стоял притащенный с улицы чурбак. Руки у Эдриена тоже были грязные, на рубашке по-прежнему темными пятнами выделялась кровь Гидеона.

– Мой милый дом, мой дом родной!

Он произнес это ровным тоном, но в его словах ощущалась боль. Этот дом построил еще его прапрадед. Эдриен вырос в нем, а потом переписал на свою жену – на случай если не хватит денег на оплату услуг адвокатов. Дом пережил Гражданскую войну, его собственное банкротство и его суд. А теперь это была всего лишь пустая оболочка, полуразрушенная и сырая, укрытая в тени деревьев, некогда видевших расцвет его славной истории.

– Сожалею насчет твоей жены, – произнесла Элизабет. – Жаль, что не могу сказать, где она сейчас.

– Когда начался суд, она была беременна. – Эдриен присел на чурбак, уставился в огонь. – Она потеряла ребенка за два дня до вынесения приговора. Ты знала?

Элизабет покачала головой, но он не смотрел на нее.

– Ты видела здесь кого-нибудь?

– Здесь? – Она показала на поля, на подъездную дорожку.

– Недавно тут болталась какая-то машина.

Вид у него был совершенно потерянный и неопределенный. Она присела рядом с ним на корточки.

– Почему ты здесь, Эдриен?

Что-то промелькнуло у него в глазах, что-то опасное. Злость. Решимость. Что-то острое и жестокое, что практически сразу же пропало.

– А куда мне еще пойти?

Он приподнял плечи, и неопределенность вернулась. Элизабет попробовала заглянуть глубже, но того, что она мельком углядела, уже не было.

– Больше некуда.

– Эдриен, послушай...

– Так ты тут кого-нибудь видела?

Это был тот же самый вопрос, заданный тем же самым голосом; но, если Эдриен и беспокоился насчет чего-то, скрывающегося в ночи, это беспокойство не проглядывало наружу. Огонь в камине полностью поглощал его внимание, даже когда Элизабет встала.

– Это было ужасно? – спросила она, имея в виду тюрьму.

Он ничего не ответил, но его руки дернулись, а шрамы блеснули в свете пламени, словно вырезанные из слоновой кости. Элизабет подумала о своей юности, про все те времена, когда она наблюдала за его триумфальным продвижением по белому свету; о том, как он стоял за своим письменным столом и на стрельбище, как работал со свидетелями или на месте преступления, как общался с бюрократами... Эдриен носил на себе уверенность, словно улыбку, и было странно видеть его таким тихим и неподвижным, с полностью устремленными куда-то внутрь себя глазами, подернутыми дымной пеленой.

– Хочешь, немножко тут побуду?

Его глаза медленно закрылись, и Элизабет поняла, что ответ «нет». Это было таинство, а она, по его представлению, всего лишь ребенок, которого он когда-то знал.

– Молодец, что заглянула, – произнес Эдриен, но эти слова были насквозь фальшивы.

«Убирайся», – вот что он имел в виду.

«Оставь меня спокойно страдать».

7

В темноте силосной башни Рамона окончательно потеряла счет времени. Здесь ее миром были сырая земля и бетонные стены. Дверь представляла собой металлический квадрат, подавшийся на долю дюйма, когда снаружи брякнул замок.

– Кто-нибудь...

Это был всего лишь шепот, голос она уже сорвала.

– Помогите...

Что-то над головой шумно захлопало – наверное, птица, тоже угодила здесь в ловушку. Рамона подняла лицо, а потом поцарапалась в дверь ногтями, уже сломанными о заржавленные винты и трещины в металле. Прошел еще час, а может, и целый день. Под конец ее сморило, она уснула и проснулась от того, что ее разбудил острый луч желтого света. Тот метнулся по всей длине тела, и она увидела грязь на своих руках и ладонях. В груди искрой вспыхнула надежда, но тут же угасла, когда он заговорил:

– Пора идти, Рамона.

– Воды...

– Ну конечно, у нас есть вода!

Он подтащил ее к двери – ее ноги бессильно волочили по полу. Снаружи по-прежнему была ночь, но уже на исходе, луна становилась лишь серым намеком, когда где-то вдалеке проезжал автомобиль и в свете его фар по стенам силосной башни плясали вытянутые тени. Рамона поморгала, но его лицо оставалось размытым.

– Вот. – Он дал ей бутылку, и она жадно приникла к ней, обливаясь и захлебываясь. – Дай-ка помогу.

Он поднес ей бутылку к губам, наклонил. Ей хотелось завизжать и удариться в бегство, но тело едва повиновалось. Влажным полотенцем он стер черную землю с ее лица и рук. В тихом ужасе она наблюдала, как он задирает подол ее платья и тем же полотенцем протирает ей ноги, касаясь их интимно, но целомудренно.

– Так лучше?

– Зачем...

– Прости? – Он наклонился ближе, держа одну руку на ее мягкой плоти возле колена.

Она облизнула потрескавшиеся губы.

– Зачем?

Он убрал ей волосы с лица и уставился прямо в глаза.

– Нас не должно интересовать, зачем.

– Пожалуйста...

– Пора идти.

Он вздернул ее на ноги и потащил к машине с продранными сиденьями и сигаретными ожогами в кожзаменителе. Наручники клацнули у нее на запястьях – он придерживал их за цепочку, пока пристегивал ее ремнем безопасности.

– Вот, доедешь в целости и сохранности, – произнес он, а потом прошел через яркий свет фар – его тень выросла и опадала, – и исчез из виду. Она потянула за ремень безопасности, но голод и жара окончательно лишили ее сил. Он пролез за руль и захлопнул дверцу.

– Я хочу домой!

Часы на приборной панели показывали 5:47. Перед лобовым стеклом за деревьями уже теплится бледный свет.

– Чем меньше ты будешь сопротивляться, тем легче все пройдет. Поняла?

Она кивнула, заливаясь слезами.

– Куда ты меня везешь?

Он ничего не ответил, разворачиваясь на голой земле и выезжая из леса. Перед асфальтированной дорогой повернул руль вправо. Пока они ехали, поля вокруг медленно обретали цвет, над горизонтом поднималось мутноватое солнце.

– Пожалуйста, не делай мне больно.

Он опять ничего не сказал, лишь прибавил газу.

Через четыре минуты Рамона увидела перед собой церковь.

8

Элизабет снился сон, и сон был воспоминанием. Ночь, жара, она продвигается через дворик заброшенного дома на Пенелоуп-стрит. Дальше по дороге просвечивают несколько огоньков, но они очень далеко и едва видны. Она пересекает дворик от последнего дерева к стене дома, поскользываясь на мокрой траве и продираясь сквозь разросшиеся кусты, и наконец прижимается к древней облупленной вагонке, все еще мокрой после грозы. Затаив дыхание, прислушивается к звукам внутри. Позвонивший в полицию сообщил, что слышал крики или визг. Но Элизабет слышит лишь собственное дыхание, стук собственного сердца и капанье воды с забитого прелыми листьями водосточного желоба. Продвигается вдоль стены – мокрые листья задевают ее по лицу и по рукам, где-то вдали тонкими прожилками пляшут молнии уходящей грозы. Останавливается, добравшись до первого окна. Оно у самой земли, окрашено черным. Через два шага после него слышится какой-то звук, но смолкает так быстро, что Элизабет думает, что ей просто почудилось.

Голос?

Крик?

На крыльце она последний раз прикидывает, не позвонить ли Бекетту, Дайеру или кому-нибудь еще. Но Бекетт дома с семьей, а город охвачен пожаром беспорядков. А потом, если в доме и есть какие-то люди, то это скорее всего какая-нибудь малолетняя шпана – покуривают травку или трахаются. Сколько подобных вызовов она приняла, пока служила в патрульных? Десятки? Сотни?

Она вытаскивает пистолет и пробует повернуть дверную ручку. Внутри хоть глаз выколи, воздух густ от запаха плесени, кошек и прогнившего ковра. Элизабет закрывает дверь и включает фонарик, обводит лучом комнату.

Дождевая вода лужами стоит на полу.

С промокшего насквозь потолка свисают какие-то лохмотья.

Проверяет гостиную и кухню, задние комнаты и коридор. Ведущая наверх лестница явно насквозь прогнила, так что Элизабет решает не обращать внимания на второй этаж и находит ступеньки, ведущие в подвал. Держит фонарик пониже, прижимаясь спиной к стене. Восемь ступенек вниз – и узенькая площадка, поворот, а потом дверь, которая скребет по полу, когда она начинает ее открывать.

Подняв пистолет, Элизабет пробирается вперед. Первая комната пуста – еще больше воды на полу, обрывки прогнившего картона. Проходит по коридору в квадратное помещение, которое, похоже, располагается под самым центром дома. Ченнинг – справа от нее, лежит вниз лицом на матрасе. За ней – еще коридор, двери других комнат. На ящичке горит свеча.

Надо возвращаться – вызывать подмогу. Но Ченнинг теперь смотрит прямо на нее, полными отчаяния черными глазами.

– Все нормально.

Элизабет пересекает комнату, подняв ствол пистолета вверх, проверяет двери, коридор за матрасом. Место – просто натуральный лабиринт, полный каких-то переходов, чуланов и слепых углов.

– Сейчас я тебя отсюда вытащу.

Элизабет присаживается рядом с девушкой на корточки. Раскручивает врезавшуюся в кожу проволоку – сначала одно запястье, потом другое. Девушка пытается вскрикнуть, когда в руках восстанавливается кровообращение.

– Не шевелись. – Элизабет вытаскивает из рта Ченнинг кляп, наблюдая за дверями и углами. – Сколько их, Ченнинг? Сколько?

– Двое. – Та всхлипывает, когда Элизабет снимает проволоку с лодыжек. – Их там двое.

– Хорошая девочка. – Элизабет помогает ей подняться. – Где?
Ченнинг указывает куда-то вглубь лабиринта.
– Оба?
Она кивает, но ошибается.
Жутко, ужасно ошибается...

* * *

Элизабет резко проснулась с именем девушки на устах, ногти глубоко впились в подлокотники кресла. Тот же самый сон приходил к ней всякий раз, когда получалось заснуть. Иногда удавалось проснуться до того, как все становилось реально плохо. Вот потому-то она и предпочитала пить кофе и расхаживать взад-вперед, потому-то практически и не спала, – только если сон незаметно не подкрадывался сам собой и не уволакивал за собой в преисподнюю.

– Ну ничего себе...

Элизабет сильно потерла обеими ладонями лицо. Вся одежда пропиталась потом, сердце колотилось как бешеное. Оглянувшись по сторонам, увидела больничный зеленый халат и помигивающие огоньки. Она – в палате Гидеона, но совершенно не помнила, как сняла туфли и закрыла глаза. Она выпивши? Такое тоже иногда случалось. В два часа ночи или в три... Устала от кофе. Устала от воспоминаний.

В палате стояла полутьма, но часы показывали 6:12. Это означало несколько часов сна, по крайней мере. А сколько раз за это время приснился тот сон? Похоже, что три. Три раза вниз по ступенькам, три раза в той темноте...

Не без труда выбравшись из кресла, Элизабет приблизилась к кровати и наклонилась над мальчиком. Никаких признаков его отца. Никаких врачей в столь ранний час. Ее впустила ночная сиделка, предложила остаться, если ей хочется. Это явно нарушало какие-то правила, но обеим одинаково не хотелось, чтобы Гидеон пришел в себя совсем один. Элизабет долго держала его за руку, а потом села и стала наблюдать за ним под неусыпным надзором стрелок, крадущихся по циферблату часов.

Склонившись над кроватью, Элизабет натянула простыню Гидеону на подбородок, задернула занавески и выглянула наружу. На траве повисли капельки росы, небо на глазах розовело. Сегодня она повидается с Ченнинг, а может, и с Эдриеном. Может, копы из полиции штата все-таки наконец явятся по ее душу. А может, просто сядет в машину и уедет. Можно забраться в любимый «Мустанг», откинуть верх и махнуть на запад. Две тысячи миль, подумала она, и воздух станет чистым, а солнце окрасит красным камни, песок и пейзажи, которые были и навсегда останутся вечностью...

Но Гидеон может очнуться совсем один.

Ченнинг останется без нее.

На посту за дверью Элизабет разыскала другую медсестру.

– Это ведь вы вчера тут дежурили?

– Я.

– А куда девался отец Гидеона?

– Охрана выпроводила его из здания.

– Он был пьян?

– Пьян. Ничего не соображал. Ваш отец отвез его домой.

– Мой отец?

– Преподобный Блэк провел здесь большую часть дня и половину ночи. От мальчика практически не отходил. Странно, что вы с ним разминулись.

– Я рада, что он смог помочь.

– Это очень щедрой души человек.

Элизабет вручила медсестре визитку.

– Если мистер Стрэндж опять создаст какие-то проблемы, звоните. Для полиции это слишком несерьезный объект, а вот отцу может создать проблемы, с которыми тот вовсе не обязан разбираться.

В глазах медсестры читался вопрос, но Элизабет только отмахнулась.

– Это грустная история. И очень старая.

* * *

Элизабет провела с Гидеоном еще двадцать минут, а потом, когда солнце проклюнулось сквозь кроны деревьев, поехала домой. Приняла душ, переделась, опять подумывая о пустыне. А к девяти утра была уже в самом сердце исторической части города – крутила по тенистым переулкам, пока не оказалась на улице, на которой в столетнем особняке, возвышающемся над садиками, живыми изгородями и чугунными оградами, жила Ченнинг.

Отец девушки встретил Элизабет в дверях.

– Детектив Блэк... Вот уж не ждали.

Ему было хорошо за пятьдесят – симпатичный, подтянутый мужчина в джинсах, рубашке-поло и туфлях-лоферах на босу ногу. Встречались они уже не единожды, и каждый раз при непростых обстоятельствах – в отделе полиции в день исчезновения Ченнинг; в больнице, сразу после того, как Элизабет освободила ее из подвала; в тот день, когда полиция штата официально завела расследование по случаю смерти Брендона и Титуса Монро... Человек могущественный и властный, он явно не привык к таким вещам, как бессилие полиции и душевные и физические травмы дочери. Элизабет это понимала. Но это ничуть не облегчало общение с ним.

– Я бы хотела поговорить с Ченнинг.

– Простите, детектив, но еще слишком рано. Она отдыхает.

– Она просила меня позвонить.

– Да, но это больше похоже на личный визит.

Элизабет присмотрелась поверх его плеча. Дом был полон темных ковров и массивной мебели.

– Она очень хотела видеть меня, мистер Шоур. По-моему, нам важно поговорить.

– Послушайте, детектив. – Он вышел на крыльцо и прикрыл за собой дверь. – Ладно, давайте забудем о том, что пишут в новостях. Давайте забудем, что вы под следствием и что полиция штата доставила моим адвокатам большую головную боль, пытаюсь добраться до Ченнинг, которая по какой-то причине категорически отказывается общаться с ней. Давайте отодвинем все это в сторонку и перейдем к сути дела. Мы очень ценим то, что вы сделали для нашей девочки, но ваша часть задачи уже выполнена. Моя дочь дома, в полной безопасности. Теперь мы сами о ней позаботимся. Ее мать и я. Ее семья. Наверняка вы это понимаете.

– Конечно. Это даже не обсуждается.

– Ей нужно поскорей забыть все те жуткие вещи, которые с ней случились. А это у нее не выйдет, если вы будете постоянно сидеть рядом с ней.

– Забыть – это не то же самое, что справиться.

– Послушайте! – На миг лицо его смягчилось. – Я выяснил про вас достаточно, чтобы понять: вы хороший человек и грамотный полицейский. Это идет от судей, от других офицеров полиции, от людей, которые знают вашу семью. Я не сомневаюсь в ваших добрых намерениях, но ничего хорошего сделать для Ченнинг вы уже не можете.

– Тут вы ошибаетесь.

– Я передам ей, что вы заезжали.

Он попятился было в дом, но Элизабет перехватила край двери, прежде чем та успела закрыться.

– Ей нужно нечто большее, чем просто крепкие стены, мистер Шоур. Ей нужны люди, способные понять. Вот вы, шесть футов с хвостиком роста, богатый человек, и весь мир у ваших ног. А Ченнинг вовсе не из таких. У вас есть хотя бы какое-то представление, что она чувствует прямо сейчас? Думаете, вы когда-нибудь сможете понять?

– Никто не знает Ченнинг лучше меня.

– Не в этом дело.

– А у вас есть дети, детектив? – Он выжидающе навис над ней.

– Нет. У меня нет детей.

– Вот когда будут, тогда и поговорим.

Он резко захлопнул дверь, оставив Элизабет с обратной стороны. Его чувства вполне можно было понять, но Ченнинг требовалось провести через полную горечи, изрытую опасными ямами территорию *последствий*, а Элизабет знала тамошние тайные тропы куда лучше остальных.

Подняв взгляд на высокие окна, она глубоко вздохнула, а потом двинулась вдоль подстриженных коробками кустов, возвышавшихся по бокам от нее, как стены. Тропинка вилась вокруг огромных дубов, а потом вывела ее на площадку у ворот, где, к своему полному удивлению, Элизабет обнаружила Ченнинг, сидящую на капоте ее машины. Хрупкое тело девочки словно утонуло в свободного покроя джинсах и мешковатом худи. Капюшон оставлял ее глаза в тени, но свет коснулся линии ее подбородка, когда она заговорила.

– Я видела, как вы подъехали.

– Привет, Ченнинг.

Девушка слезла с капота и затолкала руки в карманы.

– Как ты выбралась из дома?

– Через окно. – Она пожала плечами. – Постоянно так делаю.

– А твои родители...

– Родители обращаются со мной, как с малолеткой.

– Милая...

– Я больше не ребенок.

– Да, – печально произнесла Элизабет. – Да, пожалуй, это так.

– Они говорят, что всё в порядке, что я в полной безопасности. – Ченнинг стиснула зубы – хрупкая кукла из тончайшего полупрозрачного фарфора. – А я совсем не в порядке!

– Можешь быть в порядке.

– А *вы* в порядке?

Ченнинг позволила солнцу осветить лицо, и Элизабет увидела, как плотно кожа обтягивает скулы, увидела круги под глазами, такие же темные, как у нее самой.

– Нет, лапочка. Не в порядке. Практически не сплю, а когда все-таки получается, то вижу кошмары. Не ем, не хожу в спортзал, не разговариваю с людьми – только если совсем припрет. Потеряла за неделю двенадцать фунтов. Это несправедливо – то, что произошло в том доме. Меня зло берет. Просто хочу всех на клочки порвать!

Ченнинг вытащила из карманов руки, которые повисли по бокам.

– Мой отец едва может на меня смотреть.

– Вот в этом я сомневаюсь.

– Он думает, что мне нужно было убежать быстрее и отбиваться сильнее. Говорит, что, для начала, мне вообще нечего было делать на улице.

– А что говорит твоя мать?

– Приносит мне горячий шоколад и плачет, когда думает, что я не слышу.

Элизабет оглядела дом, который говорил о самоотречении и спокойном превосходстве.

- Не хочешь куда-нибудь выбраться?
- С вами?
- Да.
- Куда?
- А это важно?
- Думаю, что нет.

Ченнинг забралась в машину, и Элизабет повезла их прочь из исторической части города – мимо придорожного торгового центра, автосалонов, детских садов... Они пересекли городскую черту, а потом свернули на щебеночную дорогу, которая глубоко врезалась в густой лес, прежде чем полезть на высокую гору, одиноко возвышавшуюся посреди окружающих город холмов. Пока они преодолевали подъем, в салоне лишь тихо посвистывал ветер, и никто из них не заговаривал, пока дорога не достигла вершины и не закончилась просторной укатанной площадкой.

– Где-то тут должен быть заброшенный карьер, – нарушила молчание Ченнинг, в голосе которой явственно проглядывало любопытство.

Элизабет ткнула рукой в просвет между деревьями.

– Как раз наверху вон той тропы. Где-то с четверть мили.

– А зачем мы сюда приехали?

Элизабет вырубилась мотор, затянула ручник. Ей надо было кое-что сделать, и это могло быть больно.

– Давай-ка немного прогуляемся.

Она повела Ченнинг в тень, а потом – по извилистой тропке, плотно утоптанной множеством людей, которые ходили по ней годами. Местами тропка довольно круто поднималась в гору. Они проходили мимо россыпей мусора и деревьев с вырезанными на серой гладкой коре инициалами. На вершине горы тропинка заканчивалась чем-то вроде смотровой площадки, с одной стороны которой открывался вид на город, а с другой – на карьер. В некоторых местах деревья кое-как держались в тонком слое почвы; в других проглядывала лишь голая скала. Это было завораживающее и очень красивое место, но к карьере падал практически отвесный обрыв двухсот футов высотой.

– Зачем мы сюда пришли?

Элизабет подступила к самому краю и опустила взгляд на обширную поверхность холодной черной воды.

– Мой отец – священник. Наверное, ты этого не знаешь.

Ченнинг помотала головой, а волосы Элизабет подхватил ветерок, поднявшийся между крутыми стенами, словно вода вдруг дохнула на них из самой своей глубины.

– Я выросла в церкви, в маленьком домике рядом с ней, если точнее. В пасторате¹⁴. Знаешь такое слово?

Ченнинг опять помотала головой. Элизабет и в этом смогла ее понять. Большинство детей не понимают церкви как образа жизни, со всеми его молитвами, послушанием и смирением.

– Церковные дети приходили сюда по воскресеньям после службы. Иногда нас было всего ничего, иногда много. Чьи-нибудь родители привозили нас на гору, а потом читали газеты у себя в машинах, пока мы поднимались сюда поиграть. Знаешь, это было здорово. Пикники, воздушные змеи, длинные платья, ботиночки на шнуровке... Здесь есть тропка, которая спускается к узенькому уступу над самой водой. Можно искупаться, пускать во воде камушки блинчиком... Иногда мы разводили костер.

Элизабет кивнула сама себе, перебирая в памяти пожелтевшие воспоминания о днях вроде нынешнего, о той невинной узкобедрой девчонке.

¹⁴ Пасторат – резиденция священника, расположенная непосредственно при церкви.

– Меня изнасиловали прямо вон под теми деревьями, когда мне было семнадцать. Ченнинг замотала головой.

– Зачем вы такое рассказываете?

Но Элизабет уже рассказывала.

– Мы остались только вдвоем – тот парень и я. Было уже поздно. Мой отец был в машине, на той площадке внизу. Это произошло так быстро...

Элизабет подобрала камень, бросила его вниз и проследила взглядом, как тот летит и плюхается в карьер.

– Он гнался за мной. Я думала, это просто игра. Хотя, может, в самом начале так оно и было... Не знаю. Я немного посмеялась, а потом вдруг перестала. – Она показала на деревья. – Он перехватил меня возле вон той сосенки и натолкал мне в рот сосновых иголок, чтобы я не кричала. Это было быстро и ужасно, и я едва понимала, что происходит; чувствовала лишь его вес на себе и как это было больно. По пути вниз он умолял меня никому ничего не рассказывать. Клялся, что не собирался этого делать, что мы с ним друзья, что он просто поддался слабости и что этого больше никогда не повторится.

– Элизабет...

– Мы прошли четверть мили этим лесом, а потом поехали домой на машине моего отца, оба на заднем сиденье. – Элизабет не стала упоминать про свои чувства, когда нога парня прижималась к ее бедру. Не стала описывать, какой она была теплой, или как он раз протянул руку и дотронулся пальцем до тыльной стороны ее руки. – Отцу я никогда не рассказывала.

– А почему?

– Почему-то я думала, что сама во всем виновата. – Элизабет запустила в карьер еще одним камнем и проследила, как он падает. – Через два месяца я чуть не убила себя. Прямо здесь.

Ченнинг заглянула за край обрыва, словно бы пытаясь поставить себя на ее место.

– И близко вы подошли?

– Оставался всего один шаг. Несколько секунд.

– А что вас остановило?

– Я нашла кое-что большее, во что стоит верить. – Она не стала упоминать про Эдриена, поскольку это было нечто чересчур личное, это касалось только ее самой. – Твой отец не сможет что-то улучшить, Ченнинг. И мать не сможет ничего улучшить. Тебе нужно взяться за дело самой. Я хотела бы помочь тебе.

Лицо девушки исказила целая гамма эмоций: гнев, сомнение, недоверчивость...

– А вам стало лучше?

– Я по-прежнему терпеть не могу запаха хвои.

Ченнинг изучила ее скривившиеся в насмешке тонкие губы в поисках лжи – даже хотя бы только тени лжи. Элизабет показалось, что сейчас она ее потеряет. Но этого не произошло.

– А что случилось с тем парнем?

– Продает страховки, – отозвалась Элизабет. – Растолстел, женился... Я то и дело где-нибудь на него натыкаюсь. Иногда я делаю это нарочно.

– А почему вы это делаете?

– Потому что под конец только одна вещь позволяет сделать все, как надо.

– И какая же?

– Выбор. – Элизабет взяла лицо девушки в свои ладони. – Твой собственный выбор.

9

Элин Бондурант вышла замуж рано – и удачно, а потом, в сорок один год, познала горькую правду об увядании и мужском эгоизме. Поначалу это ее просто бесило, а потом вызвало лишь грусть и досаду. Под конец ей вообще стало все безразлично, так что, когда супруг подсунул ей какие-то бумаги, она без лишних слов их подписала. Ее адвокат корил ее за наивность, но это было не так. Деньги приводили ее в растерянность, и так было всегда: автомобили, великосветские приемы и бриллианты размером с желудь. Все, что ей было надо, это мужчина, за которого, как она думала, она выходила замуж.

Но этого мужчины давно уже не было.

Теперь она жила со своими собаками за городом, в маленьком домике у ручья, и вела самую простую жизнь. Тренировала лошадей, чтобы заработать себе на хлеб, и любила прогуливаться по открытым пространствам, когда выпадала такая возможность, – в низине у реки, если находилась в мечтательном настроении; до церкви и обратно вдоль линии кряжа, когда хотелось полюбоваться красивыми видами.

Сегодня она выбрала церковь.

– Вперед, ребята!

Подозвав собак, Элин тронулась в путь – маршрутом, ведущим ее на крутой подъем к тропе, которая следовала линии холмов к юго-востоку. Двигаясь легко и проворно, она чувствовала себя моложе своих сорока девяти лет. Она знала, что все дело в ее работе – с раннего утра в седле, долгие часы, проведенные с кордом и хлыстом... Ее кожа обветрилась и покрылась морщинами, но она гордилась тем, что способны сделать ее руки, как они неустанно работают и в снег, и в дождь, и в жару.

Элин остановилась на вершине первого холма – ее дом далеко внизу казался игрушечным макетом, брошенным среди пластиковых деревьев. Впереди тропа винтом закручивалась все выше, а потом на три мили выравнивалась, загибаясь вместе с линией кряжа к западу, земля круто спадала вниз с обеих сторон. Когда взгляду открылась церковь, спартанская и величественная красота старого здания, как всегда, заворожила ее: гранитные ступеньки, завалившийся набок и перекрученный чугунный крест...

Слегка поскользнувшись там, где тропа ныряла в седловину с забытой церковью, Элин сразу почувствовала разницу, хотя и не могла понять, в чем дело. Собаки вели себя возбужденно, низко опустив головы, словно выслеживая какой-то невидимый запах, глухо подвывая и рыча. Они почти обежали церковь, а затем вприпрыжку вернулись, опустив фыркающие носы к основанию широкого крыльца, путаясь друг у друга под ногами и вздыбив шерсть на загривках.

Элин свистнула псам, но они не обратили на нее внимания. Самый большой из них, желтый лабрадор, которому она дала кличку Том, взлетел к самой двери, стуча когтями по ступенькам.

– Э, что за дела, парень?

Трава шуршала у нее под ногами, и возле входа Элин заметила свежие следы автомобильных шин. Двери были из толстых дубовых досок, черные чугунные ручки на них – толщиной с ее собственную руку. Насколько она помнила, ручки всегда были скреплены между собой цепью, но сегодня цепь была перекушена, а правая створка двери оставалась слегка приоткрытой.

Внезапно испугавшись, Элин подняла настороженный взгляд на склон. Надо было срочно уходить – она это чувствовала, – но Том застыл у дверей, жалобно поскуливая.

– Спокойно, парень...

Ухватив пса за ошейник, она шагнула в дверь. За порогом стоял полумрак, тьму прорезали лишь лучи света, пробивавшегося в щели между досками заколоченных окон. Сводча-

тый потолок практически полностью скрывался в тени, но алтарь сразу привлек ее внимание. С обеих сторон от него с окон были сорваны закрывающие их доски, так что свет без помех лился на него, заставляя сиять и переливаться, будто какую-то драгоценность. Элин увидела что-то бело-красно-черное – первым делом в голове почему-то промелькнуло слово «Бело-снежка». Такое, по крайней мере, возникло чувство: неподвижность, граничащая с благоговением, волосы, бледная кожа и ногти, запятнанные красным. Понадобилось пять шагов, чтобы осознать, на что она смотрит, и когда это произошло, Элин застыла так, словно все ее тело превратилось в кусок льда.

– О господи! – Она ощутила, что весь мир тоже застыл. – О боже милосердный!

* * *

Бекетт прихлебывал кофе в задней кабинке своей любимой закуской. Крайне популярная у местных точка – все кабинки заняты бизнесменами, механиками и мамами с малолетними детишками. Тарелка с недоеденной яичницей с беконом отодвинута в сторону. Он совершенно не выпался, впервые больше чем за двадцать лет захотелось закурить. А все из-за Лиз. Беспокойство. Стресс. Она любит проводить четкую границу между личной жизнью и профессиональной. Ладно, пусть так. Она не похожа на других напарников, которые у него были, не желает трепаться про противоположный пол или спорт, или обсуждать всякие тонкости вроде того, в чем разница между просто хорошим сексом и реально охренительным сексом. Постоянно молчок насчет собственного прошлого и собственных страхов, постоянно врет насчет того, сколько спала и сколько выпила, и почему, для начала, вообще подалась в копы. Да и начхать. Это даже круто. Всегда есть смысл держать окружающих в рамках – «охранять свое личное пространство», блин, – и это было совершенно нормально, пока мелкое безобидное вранье не стало оборачиваться чем-то куда более серьезным, жутковатым и, блин, реально пугающим.

Короче, Лиз вконец изовралась.

И Ченнинг Шоур тоже изовралась.

А чтобы он эту проблему окончательно прочувствовал, добрые люди шепнули ему, что Гамильтон и Марш так и не уехали из города. Они уже побывали в том заброшенном доме и дважды пытались встретиться с Ченнинг Шоур. Собрали и подкололи в папочку все до единой жалобы, когда-либо поданные на Лиз, а прямо в данный момент опрашивали вдову Титуса Монро. Что они рассчитывали нарыть, было за пределами его понимания, но уже сам факт подобной беседы говорил красноречивей всяких слов.

Им нужна Лиз. А значит, со временем они подберутся и к нему – попытаются подловить на чем-нибудь и склонить на свою сторону. В конце концов, он знал Лиз с тех самых пор, как она была салагой. Они уже четвертый год в напарниках. Хотя до недавних пор все было бы просто. Эти следаки из штата где сели бы на него, там и слезли. Лиз всегда была настоящим крепким профессионалом. Психологически устойчивым. Умным. Надежным.

«До этого жуткого месилова в подвале...»

Эта мысль намертво застряла у него в голове, пока он пытался разобраться, о чем Лиз думала, когда заявила копам из штата, которые явились ее поджарить, что убитые ею люди – никакие не люди, а животные. Это было не просто опасно. Это было самоубийство, натуральное сумасшествие, и отсутствие простых объяснений вызывало у него тревогу. Лиз – особый подвид копа. Она – не счетовод вроде Дайера, и не раздолбай-костолом вроде половины мудаков, с которыми ему приходилось иметь дело. Она стала копом не ради острых ощущений, и не из-за власти, и не потому, что, вроде него самого, не годилась для чего-то получше. Бекетт мог заглянуть к ней в душу, когда, как ей казалось, никто туда не смотрит, и то, что он там видел, временами было до боли прекрасно. Мысль, конечно, совершенно смехотворная, но

если б ему выпал шанс задать всего один вопрос и получить конкретный ответ, то это было бы: почему она вообще стала копом. Целеустремленная, башковитая баба, которая могла бы стать абсолютно кем угодно. И все же при всех этих своих качествах наплевала на допрос, в чем не было абсолютно никакого смысла...

А потом, имелся еще и Эдриен Уолл.

Бекетт опять припомнил Лиз в бытность ее салагой – как она вилась вокруг Эдриена, восхищалась им, ловила каждое его слово, словно тот обладал какой-то особенной прозорливостью, которой не доставало любому другому копу. Эта ее преданная увлеченность производила беспокоящий эффект – не только по причине своей очевидности для окружающих, но и потому, что половина копов в отделе надеялись, что когда-нибудь она и на них посмотрит тем же взглядом. Осуждение Эдриена вроде бы должно было положить конец этому наивному слепому увлечению. А если и не это, так тринадцать лет тюремного заключения. Он ведь теперь обычный зэк и сломлен тысячью различных способов. И все же Бекетт видел тогда Лиз у бара – как она скользнула в машину к Эдриену, как у нее перехватило дыхание, как она не сводила глаз с губ Эдриена, когда он заговорил... Она все еще испытывала чувства к нему, все еще верила.

Вот в том-то вся и проблема.

Огромная, блин, реально вселенская проблема.

Расстроенный и злой, Бекетт отодвинул кофейную чашку и взмахом руки попросил счет.

Официантка легкими неспешными шагами подошла к нему.

– Что-нибудь еще, детектив?

– Только не сегодня, Мелоди.

Она положила счет лицом вниз, и тут в кармане у Бекетта завибрировал телефон. Он выудил его, посмотрелся к экрану, ответил:

– Бекетт!

– Привет, это Джеймс Рэндольф. Есть минутка?

Джеймс – это еще один детектив. Постарше Бекетта. Башковитый. Но при этом еще и отмороженный на всю голову.

– Что стряслось, Джеймс?

– Помнишь некую Элин Бондурант?

Порывшись в памяти, Бекетт припомнил женщину, с которой имел дело шесть или семь лет назад.

– Помню. Развод закончился грандиозным скандалом. Ее бывший нарушил судебный запрет не приближаться к ней плюс расколошматил полдома, по-моему... А что там с ней?

– Она ждет на второй линии.

– Так ведь семь лет прошло! Не можешь сам разобраться?

– Ну что тебе на это сказать, Бекетт... Дамочка сильно на нервяке. И хочет только тебя.

– Ну ладно, давай. – Он положил локоть на перегородку кабинки. – Соединяй.

– Повиси на трубочке...

На линии потрескивали помехи, потом дважды щелкнуло. Когда послушался голос Элин Бондурант, он звучал спокойней, чем ожидал Бекетт.

– Простите, что тревожу вас, детектив, но я помню, как чутко вы ко мне тогда отнеслись...

– Да все нормально, миссис Бондурант. Чем могу помочь?

Она как-то отчаянно рассмеялась.

– Всё, чего мне хотелось, это просто прогуляться...

* * *

Когда Бекетт влетел на грунтовую дорожку под церковь, опять позвонил детектив Рэн-дольф.

– Пока точно не знаю. – Автомобиль всю подкакивал на ухабах разбитой колеи, наверху уже маячила церковь. – Будь пока на низком старте. Подтяни пару-тройку патрульных, криминалиста, медэксперта... Может, и ложная тревога, но вообще-то не похоже.

– Это то же самое?

– Пока не знаю.

– Дайеру сказать?

Бекетт немного поразмыслил. Дайер – хороший администратор, но далеко не самый лучший коп на всем свете. Все принимает слишком близко к сердцу, склонен обычно все затягивать, даже когда промедление становится смерти подобно. Есть до боли знакомый адрес и тот факт, что Эдриен только что вышел из тюрьмы, так что вполне вероятно, что это и впрямь то же самое. В глубине души Бекетт считал: Дайер так полностью и не оправился от того, что его напарник оказался убийцей. Годами в управлении муссировались одни и те же вопросы.

«Где были глаза у Дайера?»

«Что из него тогда за коп?»

– Послушай, Джеймс. Фрэнсис наверняка задержается по этому поводу. Давай-ка для начала как следует выясним, с чем мы имеем дело. Просто сиди на жопе ровно, пока я не перезвоню.

– Только не затягивай.

Тринадцать лет прошло с тех пор, как в той же самой церкви Эдриен убил Джулию Стрэндж, но Рэндольф тоже это почувствовал: грядут мрачные перемены. Это могло изменить абсолютно все. Человеческие жизни. Город.

«Лиз...»

Бекетт сбросил телефон в карман, взялся за руль обеими руками и посмотрел сквозь лобовое стекло на вырастающую перед ним церковь. Даже сейчас это место вызывало у него глубоко тревожные чувства. Здание было старым, все вокруг него густо заросло ромашками, конизой¹⁵ и разнокалиберными соснами. Ну ладно, заросло и заросло, главная проблема – история места. Начиналась она с Джулии Стрэндж. Ее убийство и само по себе было событием хуже некуда, но даже после того, как церковь забросили, послевкусие смерти по-прежнему зримо и незримо витало вокруг. Вандалы выбили стекла, повалили надгробия, а стены и пол разрисовали из баллончиков богохульными надписями и сатанинскими символами. За годы здесь перебывало множество бомжей. Они оставляли после себя пустые бутылки, презервативы и кострища от костров, на которых готовили себе еду, а один из таких костров достаточно вышел из-под контроля, чтобы спалить часть строения и повалить крест. Но, если присмотреться, всегда можно было приметить остатки былой славы: массивные камни и гранитные ступеньки, даже сам крест, который простоял почти две сотни лет, прежде чем согнуться после удара о землю. Религиозные убеждения Бекетта еще окончательно не потускнели, так что, наверное, охватившее его неуютное чувство произрастало из чувства вины за все несправедливости, которые он некогда допустил. А может, из контраста между добром и злом или из воспоминаний о том, какой была эта церковь некогда, о воскресных заутренях и песнопениях, о той жизни, которая когда-то давным-давно была так хорошо знакома его напарнице...

¹⁵ Кониза (мелколепестник канадский) – однолетнее травянистое растение с жесткими длинными стеблями, распространенное в Северной Америке. По виду немного похоже на наш иван-чай.

Чем бы это ни объяснялось, чувствовал он себя достаточно безрадостно, чтобы стиснуть зубы и крепче ухватиться за руль. Когда автомобиль перевалил через горбушку подъема, Бекетт наконец приметил эту тетку Бондурант, стоящую в высокой траве с двумя собаками по бокам. Одна из них заливалась лаем. Он резко нажал на педаль тормоза, разогнавшийся автомобиль проехался юзом и встал. Нехорошее чувство осталось.

– Не бойтесь, они добрые! – крикнула Элин.

Бекетту, однако, приходилось встречать лабрадоров, которые добротой и дружелюбием не отличались. Он поприветствовал женщину по имени, а потом оглядел церковь, поля и далекий лес.

– Вы пришли пешком?

– Мой дом вон там. – Она показала рукой. – В трех милях. Я хожу сюда несколько раз в неделю.

– Вы кого-нибудь видели? – Бондурант покачала головой, и он мотнул головой на церковь. – Там что-нибудь трогали?

– Дверную ручку с правой стороны.

– Что-нибудь еще?

– Цепь уже была оборвана. Я остановилась задолго до того, как подошла к... гм, гм...

– Все нормально, – кивнул Бекетт. – Скажите, когда вы были здесь в последний раз?

– Несколько дней назад. Может, дня три.

– Видели тогда каких-нибудь людей?

– Не конкретно тогда, но время от времени вижу. Иногда нахожу мусор. Пивные бутылки. Окурки. Старые кострища. Сами знаете, что можно увидеть в таком месте. – Ее голос под конец надломился.

Бекетт напомнил себе, что простым гражданам не столь часто доводится лицезреть трупы, в отличие от копов.

– Я собираюсь зайти внутрь и посмотреть. Вы оставайтесь здесь. У меня есть еще вопросы.

– Это ведь то же самое?

Бекетт заметил страх у нее в глазах, когда над церковью зашуршали деревья, а один из псов натянул поводок.

– Ждите, – приказал он. – Я скоро.

Оставил ее стоять на месте и направился к церкви, ненадолго остановившись, чтобы изучить следы колес на траве. Ничего примечательного, подумал он. Может, и получится снять отпечатки протекторов... Но скорее всего нет.

Переступив через валяющуюся на крыльце цепь, Бекетт двинулся в жаркую темноту. На протяжении десяти футов она была почти черной, так что он подождал, пока привыкнут глаза. Вскоре пустота постепенно обрела очертания полутемного пространства с низким потолком и канделябрами на стенах, проявились лестница слева и двери от шкафов, сорванные с петель. Пройдя через притвор¹⁶, он почти на ощупь добрался до двойных дверей, ведущих в неф¹⁷. Сразу за ними потолок воспарил куда-то ввысь, и хотя на его стороне церкви он большей частью оставался в тени, свет лился сквозь витражные стекла обоих боковых приделов, ярко освещая алтарь и женщину на нем. Свет был наполнен красками – разными оттенками синего, зеленого и красного – и перечеркнут тонкими тенями чугунной витражной рамы. В остальном же он больше напоминал косо воткнувшийся в тело клинок, намертво припиливший женщину к алтарю и раскрасивший во все цвета радуги ее бледную кожу и белую жесткую холстину,

¹⁶ Притвор (нартекс) – входное помещение христианского храма, обычно представляющее собой крытую галерею на западной стороне здания.

¹⁷ Неф – главное помещение христианского храма.

укрывавшую ее от ступней до подбородка. Первым делом Бекетту бросились в глаза черные волосы, полная неподвижность и ярко-красные ногти – образ столь знакомый и жутковатый, что приковал его к месту.

– Пожалуйста, только не то же самое...

Он разговаривал сам с собой, но просто не мог удержаться. Свет заливал ее, словно какую-то драгоценность в футляре, но дело было не только в этом. Дело было в наклоне подбородка, в гладких, словно яблочная кожура, ногтях.

– Господи!

По почти забытой детской привычке Бекетт перекрестился, а потом двинулся по выломанным половицам и обрывкам прогнившего ковра. Он пробирался между опрокинутых скамей, и с каждым шагом иллюзия совершенства все больше крошилась на мелкие кусочки. Цвет вымывался из света. Бледная кожа замутилась, стала серой, и признаки смерти выпятились напоказ, словно по какому-то волшебству. Синяки. Странгуляционные борозды. Обломанные ногти. Бекетт сделал последние несколько шагов и возле самого алтаря опустил взгляд. Жертва была молода, с темными волосами и налившимися кровью глазами. Она вытянулась на алтаре в точности, как в свое время Джулия Стрэндж, – руки скрещены поверх холстины, шея почернела и смята. Он внимательно осмотрел следы пальцев на горле, мертвые глаза, едва не насквозь прокушенные губы... Приподнял холстину, увидел, что под ней она полностью обнажена – тело бледное, без всяких отметин и в остальном просто превосходное. Опустив холстину на место, Бекетт ощутил, как эмоции накрывают его с головой.

Эта тетка Бондурант была совершенно права.

Это то же самое.

* * *

Когда они покатали вниз, солнце уже всю жарило сквозь кроны деревьев. В машине стояла тишина, пока они не въехали в район, в котором жила Ченнинг. Когда девушка заговорила, голос ее был тих и все-таки напряжен, словно взведенная пружина.

– А вы когда-нибудь возвращались туда, где это произошло?

– Я только что водила тебя туда. Только что тебе его показывала.

– Вы водили меня к карьеру, а не к тому месту, где это случилось. Вы просто показали на него рукой. Рассказывали про него. Но мы не подходили к той сосне, возле которой тот парень вас повалил. Я спрашиваю, стояли ли вы когда-нибудь прямо в том самом конкретном месте...

Они остановились перед домом Ченнинг, и Элизабет вырубил мотор. За живой оградой возвышались кирпич и камень, все столь же твердо и незыблемо.

– Я не стала бы этого делать. Ни сейчас. Ни вообще никогда.

– Это же просто место. Оно не причинит вам зла.

Элизабет повернулась на сиденье, явно шокированная.

– Ты возвращалась на то место, Ченнинг? Только, пожалуйста, не говори мне, что приходила одна в этот богом проклятый дом!

– Я даже повалялась на том месте, где все произошло.

– Что?! Зачем?

– А мне что, надо было вместо этого покончить с собой?

Теперь Ченнинг всерьез разошлась, стена между ними росла на глазах. Элизабет хотелось понять, но получалось это с трудом. Глаза девушки были яркими, как новенькие монетки. Все остальное же в ней словно гудело от напряжения.

– Ты на меня за что-то сердись?

– Нет. Да. Наверное.

Элизабет попыталась припомнить, каково это – быть семнадцатилетней, быть разобранной до самых костей, а потом кое-как склеенной липкой лентой. Это оказалось несложно.

– Зачем ты возвращалась?

– Те люди мертвы. Осталось просто место.

– Это не так, – возразила Элизабет. – Ты еще осталась, и я тоже.

– Что-то мне не кажется, чтобы я осталась. – Ченнинг открыла дверь, вылезла из машины. – И, по-моему, вы тоже.

– Ченнинг...

– Я не могу прямо сейчас говорить про это. Простите.

Не поднимая головы, девушка устремилась прочь. Элизабет проследила, как она уходит по дорожке и скрывается за деревьями. Она либо заберется обратно в дом незамеченной, либо же родители, которые не знают, что с ней делать, засекут, как она лезет в окно. Ни один из исходов девушке ничем не поможет. А один из них мог только еще больше все испортить... Элизабет все еще размышляла над этим, когда зазвонил ее телефон. Это был Бекетт, и он явно находился в столь же растрепанных чувствах, что и Ченнинг.

– Ты сможешь скоро подъехать к церкви своего отца?

– К церкви отца?

– Не к новой. К старой.

– Ты говоришь про...

– Да, про ту самую. Скоро...

– А что?

– Просто ответь на вопрос!

Элизабет бросила взгляд на часы, и у нее почему-то скрутило живот.

– Могу быть минут через пятнадцать.

– Надо, чтобы через десять.

* * *

Не успела она спросить хоть что-нибудь еще, как Бекетт отключился.

Десять минут.

Он стоял возле окна северного придела. Некоторые кусочки разноцветного стекла были выбиты много лет назад, но достаточно много осталось. Выглянув в дыру, он наблюдал за окружающим миром, словно ожидая приближения грозы. Эдриен от силы какие-то сутки на воле. Едва только прорвутся новости о новом убийстве, как они моментально станут вирусными. Алтарь. Церковь. Она слишком большая. Слишком готическая. Город потребует крови, и все сразу станет предметом пристального изучения. Соразмерность наказания. Судья и копы. А может, и сама тюрьма.

Как система позволила умереть еще одной женщине?

А если еще и прорвется инфа про то, что подстрелили Гидеона, буря окончательно выйдет из-под контроля. Бекетт уже видел, как это обыграют газеты: не просто как историю об убийстве, семье и неудавшейся попытке мести, а как о полной некомпетентности системы – ну как же, ребенок первой жертвы успешно пролез во все щели в этой самой системе, только чтобы быть застреленным возле тюремных стен! Кто-нибудь припомнит, что Лиз тоже была «У Натана», и тогда копы будут выглядеть еще отвратней. Она ведь «ангел смерти», самое большое пятно на управлении полиции после самого Эдриена. Город уже ополчился против нее. Насколько все будет хуже, когда люди узнают, что она всеми силами старалась держать Гидеона подальше от социальных служб? Ну просто фантастическая заваруха начнется!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.